

Эмилия Марр

Запрет

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785821
0101*

Аннотация

Наша первая встреча закончилась провалом – я нахамила, а он затаил обиду. И расставил сети, как настоящий паук. Работа, учеба, дом, друзья – теперь все в моей жизни зависит только от него! Он меня ненавидит. Мстит. Только вот не понятно – за что?!

Содержание

Пролог...	4
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	60
Глава 7	74
Глава 8	82
Глава 9	90
Глава 10	98
Глава 11	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Запрет

Автор: Эмилия Марр

(Эмилия Адамс)

Пролог...

– Да пожалуйста! Я и не просила меня вытаскивать из отделения! И если что, я не считаю, что вам что-то должна! Учите!

Никакой реакции.

Да что же он непрошибаемый-то такой! Горделивый истукан!

– И не я вас собиралась обмануть с ценой товара, а старший менеджер магазина. Сверху поступило предупреждение, что приедет ВИП из ВИПов, вот и увеличили цену на двадцать процентов. А вы всех собак на меня... а я ведь только исполнитель.

Вновь ноль реакции. Обошла диван и встала со спинки. Руками схватила за мягкое изголовье, сжимая его и набираясь смелости.

– Сначала ведете себя со мной как с человеком второго сорта, – выдаю, надеясь вызвать эмоции или хотя бы чуточку уважения, чтобы повернулся ко мне и удостоил взглядом, – После приезжаете ко мне на работу, меня увольняют и отправляют в отделение полиции. Оттуда вы же меня и освобождаете, а потом выхаживаете после болезни, а теперь вновь грубо гоните! Что вы за человек?! – в сердцах повышаю голос. – Почему совершаете такие поступки, которые не поддаются элементарной логике? Я не понимаю! Объясните! Нет, я требую!

В кабинете повисла давящая, обманчиво мирная тишина.

Понимая, что ничего не смогу добиться от этого человека, отвернулась и подошла к дверям. Не буду дожидаться завтрашнего дня. Уеду сейчас! Мы в городе, а значит, такси поймать не проблема. Да и время позднее. Наверное, подруга

уже в общаге. Попрошу ее заплатить, потом с ней рассчитаюсь.

Берусь за ручку двери, но все же не выдерживаю и произношу:

– Я вам ничего не сделала, чтобы вы со мной так разговаривали и тем более поступали! – говорю негромко, но твердо. Надоело чувствовать его превосходство над собой! Мы люди, и мы равны! Даже если у нас разное материальное положение!

Открываю дверь и замираю, услышав позади себя звук. Обернувшись, наблюдаю, как Кай резко отворачивается от окна, пересекает расстояние между нами за секунды и, схватив меня за плечи, припирает к стенке!

– Ты не понимаешь! – рычит мне в лицо. – Я говорю: свали, исчезни, испарись из города! Иначе я нарушу запрет, и тогда тебе точно конец, теперь понимаешь?

Мой пульс зашкаливает, этот человек пугает меня. В ужасе совсем перестаю что-то понимать.

Еле лепечу:

– К-ка-к-кой запрет? Вы... о чем?

Глава 1

– Почему не танцуешь?

Оборачиваюсь на негромкий, хамоватый голос. Мои глаза находятся на уровне крепкой мужской груди. Запрокидываю голову вверх и встречаюсь с холодными, как сталь, серыми глазами, которые сканируют каждую черточку моего лица.

– А должна? – переборов себя произношу с вызовом, дерзко посмотрев в его глаза.

Отступаю на шаг: он находится непозволительно близко и нарушает мое личное пространство. Но его это не беспокоит. Даже наоборот – теперь он наглым образом смотрит и оценивает всю меня, как будто мысленно ставит галочки на каждом изгибе моего тела. От такого беспардонного анализа все тело обдает неприятным жаром.

Четкие мужские черты лица, надменный вид не по возрасту. Мне хватило беглого взгляда, чтобы понять: со мной заговорил представитель высшего общества.

На подсознательном уровне испытываю неуверенность в себе из-за своего внешнего вида.

Неприятно, что он заговорил со мной с целью подчеркнуть свое социальное положение, да еще и так бесцеремонно. Скованность одолевает, и обещанная веселая тусовка превращается для меня в борьбу с собственными комплексами.

Сам незнакомец одет в стильный темно-синий костюм и

белую рубашку, на руке часы, которые стоят как две мои машины. Я это точно знаю.

Мне бы не начинать этого разговора, предчувствую, ничего хорошего из него не выйдет, но и промолчать было бы невозможно.

Достаточно один раз ощутить его взгляд на себе и понять, что убежденность в собственном превосходстве заложена в нем с самого рождения. Такие, как он, выражают уважение или только представителям своего круга, или никому.

Не ожидая от меня такого ответа, мужчина с удивлением снова скользит по мне вопросительным взглядом, подтверждая свое презрительное отношение не менее прямолинейным высказыванием:

– Ты так и останешься без гроша в кармане, – пренебрежительно бросает мне в лицо, – если продолжишь стоять у стенки. Иди извиваться в центр зала, привлекай к себе внимание самцов.

Его высокомерный тон задевает за живое, он демонстративно унижает меня и смешивает с грязью.

– А кто сказал, что я нуждаюсь во внимании «самцов»? – дерзко парирую, пальцами в воздухе вырисовывая кавычки.

– Тогда зачем ты тут? – задрав подбородок и прищутив глаза, задаёт вопрос мужчина.

Резонно! Ради денег, которые выплачивают массовке. Ведь это даже не клуб, а вечеринка MUSIC PARTY в столице, организованная одним из центральных каналов страны.

Тут везде операторы снуют и снимают происходящее.

Я думала, что иду на модную тусовку, а оказалась на своеобразной выставке молодых особ женского пола, предлагающих богатым бизнесменам себя в качестве эскорта. По крайней мере, мои наблюдения за последние полчаса убеждают меня именно в этом.

– Так я и думал. Ладно, дам тебе второй шанс. Иди, потанцуй для меня. А я, так уж и быть, оценю твои навыки.

Поражаюсь наглости этого мужчины. Да за кого он меня принимает?!

– Послушай, ты...

– Обращайся ко мне на «вы», – выдает надменным тоном, перебивая меня на полуслове.

– О как, – иронично заявляю, не в силах сдержаться.

– Детка, тут тебе плачу я, – сразу ставит меня на место этот хам, – и ты выполняешь мои требования. Так что, будь добра, на «вы» и побольше уважения в голосе.

– Меня родители учили, что уважение надо заслужить, а не требовать, – дерзко заявляю ему.

Неожиданно меня хватают за плечи и толкают к стене, а после припечатывают к ней своим крепким телом.

– А теперь взгляни на меня и скажи, что не уважаешь, и посмотрим, что я с тобой сделаю.

От него реально веет опасностью, я сжимаюсь от страха, не зная, как поступить и, вообще, что делать.

Шум в другом конце зала отвлекает нас, и мужчина как

будто очнулся, переменялся в лице, натянул на себя лживую улыбку и отпускает меня, но не отходит, как будто разговор еще не окончен. Я же осматриваюсь и думаю, как от него сбежать.

По центру зала – девушки в легких коктейльных платьях чуть ниже бедер танцуют и извиваются, как умеют, стараясь подчеркнуть все соблазнительные изгибы своих тел. Каждая держит бокал шампанского и делает вид, что ей весело, здесь чудесная атмосфера, и вообще – крутая вечеринка. Одновременно с этим они успевают профессионально, почти незаметно для окружающих, озираться по сторонам в поисках заинтересованных взглядов.

Но глаза их не могут врать! Девушки с холодным расчетом оценивают каждого находящегося здесь мужчину. Они здесь явно не в первый раз. Еще один вечер перспектив и удачных встреч. Возможно, для них это верный способ ухватиться за соломинку и устроить свою судьбу.

На импровизированной сцене проигрывают музыку приглашенные «модные» диджеи, как их представил ведущий в самом начале, но где именно они популярны, история умалчивает, я о них точно раньше не слышала.

За богато накрытыми столиками сидят респектабельные толстосумы, с усмешками и перешептываниями смотрят на девчонок. Может, они в более добром расположении духа, чем этот безманерный незнакомец, но вид у них не менее надменный. Внешний лоск не может скрыть высокоме-

рия, кичливости и возвышения над остальными. Они без каких-либо недостатков, уверенные в собственной исключительности, достигшие небес, почти боги.

Как итог: у всех здесь свои интересы.

Наблюдая за присутствующими, отмечаю, что между нами бездна.

И что среди всего этого продажного хаоса делаю я?

– Как зовут тебя? – вновь привлекает к себе мое внимание незнакомец.

– Майя, – отвечаю на автомате, все еще пребывая в своих раздумьях.

– Пчелка, что ли?

Демонстративно закатываю глаза. Что за примитивное мышление?!

– А кроме пчелки, никто на ум не приходит? – бесит! Выдаю заученную за годы моей жизни фразу: – Например, известная всему миру Майя Плисецкая! Нет? – ядовитым тоном интересуюсь у него. – Но почему же все, когда слышат имя Майя, сразу вспоминают только пчелку из мультика?!

– Претензии предъявляй своим родителям, девочка, – недовольно выговаривает мне, а после выражение его лица в доли секунды меняется. Впервые с начала нашего разговора его глаза «оживают», в них появляются смешинки.

Незнакомец неожиданно наклоняется и, приблизившись ко мне, язвительно шепчет в самое ушко:

– А тебя прям бесит этот факт, да, Пчелка?

Дыхание перехватывает от такой близости наглеца! Невольно вдыхаю одуряюще-пряный аромат его парфюма.

«Черт, очнись, мужик прикалывается над тобой, считая посредственной!»

– Учти, – шепотом вторю ему в ответ, – у меня есть жало, одно неверное движение – и я выпущу свой яд.

Он отстраняется и недоуменно смотрит мне в глаза, а после, откинув голову назад, в голос смеется издевательским, саркастическим хохотом.

Мгновенно ощущаю огромное количество заинтересованных взглядов.

В долю секунды рядом оказывается какой-то мужчина и заискивающе смотрит на моего собеседника:

– Господин Снежинский, что-то случилось? Все нормально?

С волнением оглядывает меня и с благоговением взирает на этого Снежинского.

– Да, все в порядке, Антон, – только не похлопывает работника по спине, а так ведет себя как высокомерный идиот, словно дает свое разрешение тому удалиться.

Да, я определенно не ошиблась в своей оценке этого мужчины.

Удалился один, но подошел другой. Моложе и симпатичней, кареглазый шатен с дружелюбной улыбкой. Так же как и мой собеседник, одет стильно и богато.

– Кай, – попеременно смотрит то на меня, то на него, –

все в порядке?

Кай?! То есть его зовут Кай, а он еще смеет смеяться над моим именем?!

– А ваши родители тоже не без юмора, я посмотрю, Снежинский Кай.

Сероглазый готов просверлить во мне дыру от злости. Но, его друг переключает мое внимание на себя:

– Что за милая красавица, Кай, не познакомишь? – и смотрит на меня с неподдельным интересом.

– А это... – делает многозначительную затяжную паузу Кай, прищурившись, подозрительно смотрит на меня и лениво продолжает, – Майя...

– Очень приятно, я Артемий, – и протягивает ладонь для рукопожатия.

Отвечаю тем же, но на полпути застываю, так как Кай, оказывается, не закончил.

– Тараканова, – договаривает он. – Знакомься, Арт, это Майя Тараканова.

Как он это узнал?!

– Что? Но... но откуда?.. – Нахлынувшее сильное волнение заставляет заикаться.

Как он узнал мою фамилию? Что он еще обо мне знает? И откуда?!

Он осознал, что сболтнул лишнего, быстро переводит растерянный взгляд на подошедшего Артемия, который незамедлительно приходит ему на помощь, резко хватая меня за

поднятую руку и стараясь переключить внимание на себя.

– Что же, мне очень приятно познакомиться с тезкой великой шахматистки Майи Чибурданидзе. Уверен, ты настолько же умна, насколько и красива.

– Э...

– У меня дела, – грубо, в своей излюбленной манере, произносит Снежинский и удаляется, а я лишь смотрю ему вслед и пытаюсь сообразить, что это только что было?

– Кая понять очень сложно, можешь не пытаться, – как будто прочитав мои мысли, говорит друг Снежинского. – Майя, расскажи немного о себе.

Артемий – смазливый красавчик, который прекрасно умеет пользоваться своей внешностью. А если добавить к этому еще и остроту ума, то получается неплохой такой коктейль.

– А может, лучше ты расскажешь, – одаривая его враждебным взглядом и зловещей ухмылкой, показывая свои твердые намерения, – откуда твой друг знает меня?

– К сожалению, ему в голову я проникнуть не могу. И если Кай захочет что-то рассказать, то обязательно поделится, – как глупой малышке объясняет мне Артемий, что меня очень бесит. – Давай вернемся к разговору о тебе. Где ты учишься?

– А может... – делаю вид, что задумалась, – просто закончим на этом, а?

С этими словами срываюсь в сторону гардеробной. Надо валить отсюда. Снежинский Кай определенно уже знал мое

имя, когда подходил. И это «представление с пчелкой» замутил, чтобы усыпить мою бдительность. Вот только зачем?

Вдруг меня хватают за плечи и разворачивают к себе лицом.

Глава 2

В приступе страха замираю, а когда понимаю, кто передо мной, без сожаления бью по плечу:

– Черт. Испугала! Блин, так же нельзя! – пытаюсь прийти в себя и отдышаться, успокоить гулко стучащее сердце.

Думала, меня хотят схватить и увести куда-то, а это всего лишь Полина, моя подруга, с которой мы пришли сюда. И где она была раньше?! Делаю шаг навстречу и крепко прижимаюсь к ее груди, ища успокоения.

– Что такое, Майя?

Отрицательно машу головой. Не хочу сейчас об этом.

– Ты о чем с ним беседовала? Будь осторожна! Ты вообще знаешь, кто он такой?! Говорят, у него нет сердца. Очень принципиальный и безальтернативный мужик. С девушками не церемонится. С таким лучше не связываться. Почему он смеялся? Что-то грязное предложил тебе, да?

– Стоп, стоп, Поля. Ты о чем? Выдохни давай и говори по порядку? Ты сейчас об этом сероглазом?

– А о ком еще! Это Снежинский Кай Викторович – совладелец «X5 Retail corporation», третьей по прибыли компании в стране. Это очень круто, что он тут, но не очень, что разговаривал с тобой. Как бы не было проблем, – себе под нос договаривает подруга.

– Он определенно не прост, черт побери. Ладно, Поля,

сколько мы еще должны тут пробыть и когда нам заплатят?

Она с подозрением смотрит на меня, но мне все эти названные Полиной компании говорят лишь о том, что мои доходы ничтожно малы, в сравнении с ними.

– Сказали до десяти вечера точно быть тут. Ты пока тихо посиди где-нибудь, покушай там, шампанского выпей – это бесплатно.

– Нет, не хочу рисковать. Мне нужно вернуть платье, – говорю ей в ответ. Да, оно не шибко дорогое, но для меня и это деньги. – А если вдруг пятно посажу или сок пролью?

– Дело твое, – пожимает плечами подруга. – Ладно, пошли. Продержимся еще пару часов и заработаем по сто долларов.

«Да, было бы классно. Это четвертая часть моего месячного заработка. Получить ее за четыре часа – это очень круто для меня».

Возвращаемся в зал. Картина не изменилась, разве что чуть приглушили свет.

К Полине подходит тот самый Антон и что-то строго выговаривает. Она нехотя кивает, а когда он отходит, говорит:

– Пойдем, потанцуем. А, Май? Все же мы здесь для массовки, а не чтобы у стенки стоять. А то вдруг не заплатят!

– Нет, не смогу, извини. Но, как и условились, буду улыбаться людям и не мельтешить перед камерами.

– Ну, смотри. Я предупредила. В случае чего, поделюсь с тобой своим заработком. Если бы ты не поддержала, я бы не

решилась сюда прийти.

– Да ладно, Поль, ты чего! Просто купишь еды для двоих на неделю, – подшучиваю над подругой.

Стою в сторонке, любовно заглядываясь на выход и периодически – на часы. Осталось совсем немного, и можно идти за оплатой, а после домой.

Боковым зрением замечаю движение неподалеку. Повернувшись, обнаруживаю оператора, который несет свою камеру и переговаривается с ассистентом. У того в руках микрофон.

«Они выбирают "жертву" для интервью», – делаю вывод.

Не хотелось бы мне «пасть смертью храбрых», если вдруг мама увидит по телику свою «звездную» дочь на таком мероприятии.

Медленно, чтобы не привлекать их внимания, отхожу по стенке все дальше и дальше, дохожу до высоких арок, украшенных свисающими с потолка разноцветными декоративными лианами.

– От кого сбегаешь, Майя? – откуда ни возьмись рядом оказывается мой новый знакомый, Артемий. С интересом рассматривает меня и заглядывает за мою спину.

– Стой так, – быстро произношу и прячусь за ним от репортеров, прислоняясь к стене и прикрываясь декором помещения: так больше шансов остаться незамеченной. Если журналисты увидят Артемия просто стоящим у арки, они пройдут мимо, и можно будет вздохнуть свободно.

– Так, на горизонте Кая нет, чего же ты боишься? – пробоует обернуться ко мне, но я не позволяю, разворачивая его обратно.

– Сделай одолжение, просто стой, как стоишь, и молчи. Иначе это может свидетельствовать о наличии психического расстройства и являться косвенным признаком расстройства восприятия, соответственно, на тебя могут обратить внимание. А мне надо, чтобы посчитали пустым местом.

Артемий усмехается.

– Ну спасибо, так меня еще никогда не унижали, – с сарказмом отвечает мне. – Девочка, неужели молча я сойду за пустое место? Seriously? Ты сделала такие выводы после нашего знакомства?

– Извини, неудачное сравнение. Но сейчас просто помолчать можешь? – теряя терпение, раздраженно шиплю ему.

– Извинения приняты. Ладно, подыграю тебе, но не долго.

Артемий замолкает. В этот момент операторы ловят девушку, которая проходила мимо, и начинают ей на камеру задавать вопросы: нравится ли ей здесь, как ей вечеринка, приглашенные диджеи, атмосфера самого вечера, пришла бы она сюда еще...

«Черт! Сколько можно, когда они закончат?!»

– Арт, почему не идешь, я жду тебя, – слышу голос Снежинского. Поистине, он внушает страх своей надменностью и хриплым, наглым тоном.

«Вот чеееерт!!!»

Съездившись еще сильнее, пытаюсь сообразить, что делать.

А ответом Каю служит лишь тишина.

– Что лыбишься? Пошли, тут больше нечего делать.

Мой «защитник» не шевелится и лишь пожимает плечами. Я ощущаю их колыхание, как будто бы Артемий усиленно сдерживает смех.

– Не понял, – раздраженно произносит Кай, – что за херня? Ты включил игнор?

Щипаю Артемия за спину, чтобы он заговорил со своим другом, иначе Снежинский повысит голос, и тогда все мои манипуляции коту под хвост. На нас точно обратят внимание репортеры, стоящие неподалеку.

Но этот позер от моих действий только еще больше захочется смехом и дергается от каждого моего прикосновения.

– Ты прикалываешься, Арт? – громче положенного выговаривает Кай и, конечно, вызывает интерес журналюг, которые наконец закончили общение с девушкой и проходили мимо.

– Господин Снежинский, позвольте задать вам несколько вопросов? – Слышу, как щелкает затвор камеры, и журналист произносит: – Не ожидали вас увидеть на нашем меро-

приятии, часто ли вы посещаете подобные вечеринки?

Твердое «нет» летит в адрес представителей прессы от Кая, и по его тону складывается ощущение, что он посылает их куда подальше.

– Хорошо, – терпеливо продолжают они интервью. – А что заставило вас посетить наше мероприятие сегодня?

– Вы не поняли? – уничижающим тоном произносит Снежинский. – Это был мой ответ на ваш первый вопрос.

Наступившая пауза могла бы показаться неловкой, но репортеры не растерялись:

– Тогда, может, господин Ковальский прокомментирует хоть что-то? – разрывает накалившийся воздух следующий вопрос.

По вмиг задеревеневшему Артемию понимаю, что только что была произнесена его фамилия.

– Так, мне нравится, – воодушевленно начинает он отвечать, в отличие от своего друга, – прекрасно организованная вечеринка, великолепная танцевальная музыка, красавицы не выходят за пределы танцпола, настолько она зажигательная, что просто не отпускает их. Одна единственная вот тут, – и делает шаг в сторону, полностью открывая меня и Снежинскому, и журналистам. Мне уже никакие декорации не помогут, все меня увидели! – Потерялась. Возможно, она любит танцевать под шансон? Как думаете, господа?

Изумлённый и в то же время презрительный взгляд Снежинского прожигает меня насквозь. Становится настолько

дискомфортно, что приходится встряхнуться, чтобы убрать это ощущение.

Но паника меня накрывает с головой только тогда, когда я вижу направленную на меня видеокамеру.

Перед глазами прямо предстала картинка: мама, сидя дома, переключая каналы, видит, как, говоря ее словами, «размалёванная и как проститутка одетая» дочь рассказывает в интервью, насколько ей понравилось тусить на столичной вечеринке.

Все мои планы об учебе в столице и становлении себя как человека, возвращение домой уверенной и самодостаточной личностью, стремление доказать маме, что я тоже чего-то достойна, – все мои мечты рушатся в один момент! Теперь, как бы высоко я ни «взлетела», мать, увидев это интервью, скажет, что всего я добилась, ложась под богатых мужиков! И ни о каком уважении, и, наконец, материнской гордости, и, возможно, такой желанной мною любви больше речь не идет.

Горький ком застревает в горле, мешая дышать, на глаза наворачиваются слезы, и даже успевают упасть на щеку, прежде чем я успеваю их смахнуть. Прикрываю веки, кусая губы, стараясь собраться с силами, сжимаю руки в кулачки. А после, открыв глаза, ухожу. Не смотрю ни на кого, просто иду в гардеробную за своей курткой. Пошло оно все!

– Майя, – за спиной раздается растерянный голос Арта, – что с тобой?

– Пусть идет, не видишь, в ней проснулась драматическая

актриса, – грубо бросает Кай.

От Артемия больше не слышно ни слова.

Не оборачиваясь, следуя намеченному курсу. Держусь из последних сил. Если остановлюсь или вернусь и начну что-то говорить, просто разревусь у всех на виду!

Из такого позора мне уже будет не выбраться и придется уезжать и из столицы. Вопрос: куда теперь?

Перед глазами проносятся дни, когда я голодала, просто потому что не было денег на еду. Или проезд в метро и доставка товаров из интернет-магазина, или булочка сейчас. Я выбирала первое и ехала зарабатывать свои рубли. На полученные деньги можно было протянуть неделю на хлебе, молоке и, может быть, десятке яиц.

Как спала пару часов в день, и только мысли об образовании и достойной работе с хорошим заработком давали мне силы идти к намеченной цели. Возможно, лет через десять я смогла бы приехать к маме с гордо поднятой головой, рассказать о своих трудностях и пути, который я прошла, чтобы в итоге преуспеть. И она наконец стала бы мной гордиться, рассказывала бы о моих успехах друзьям и соседям. С гордостью произнося: «Моя дочь!»

Но теперь все полетело к чертям, все мои старания обесценились, и ни одно мое слово уже не будет восприниматься всерьез.

Не выдерживаю и перехожу на бег. Не желаю здесь больше находиться ни секунды! Достая из сумки номерочек, отдаю

гардеробщику, он хочет помочь мне надеть мой пуховик, но я просто выхватываю его из рук мужчины и на ходу натягиваю. Пакет с обувью висит на номерке Полинки. Ну что же, придётся немного померзнуть, ничего страшного. Главное, приехать в общагу, залезть под одеяло и скрыться ото всех. И наконец не стесняясь можно будет оплакать то будущее, которое уже точно не наступит.

Когда я осознала, что для матери ничего не значу?... Наверное, тогда, когда ушел папа, к другой женщине. Причем без скандала и истерик со стороны мамы. Она лишь посмотрела на него жалобными глазами и проводила до двери. Нет, мама не впала в депрессию и не стала заниматься самоуничтожением, для этого она слишком любила себя. Она просто весь негатив выливала на меня. От и до. Крики, битье посуды, психи, что в таком возрасте осталась одна, гульки допоздна с подругами, без заботы о том, что дочке нечего есть, или обвинения в момент алкогольного опьянения: «Во всем виновата ты!»— все это досталось мне.

Если раньше она хотя бы при папе говорила добрые слова, то после его ухода уже себя этим не обременяла. Я стала нелюбимой дочерью, хоть и была единственной. Наверное, ей становилось легче, когда она выплескивала весь негатив на десятилетнюю девочку, которая ничего не могла сказать в ответ, а лишь плакала, забравшись в свою кроватку и

укрывшись от несправедливого мира одеялком. Со стороны все считали ее любящей матерью, так как даже после ухода мужа ее дочь всегда выглядела опрятно и нарядно. Да, это было так, отец выплачивал алименты, и на них мне всегда покупались обновки. Она не хотела, чтобы соседи шептались за ее спиной, что ее дочь или она стали жить хуже. Для нее статус в обществе был важнее всего. А что происходило за дверьми нашей квартиры, особо никого не интересовало.

Так мы и жили с мамой около пяти лет, пока однажды я не узнала, что у меня есть старший брат. Мама его родила у себя на родине в семнадцать лет, а когда поехала на заработки в другую страну, оставила его, совсем кроху, своим родителям. Тут встретила моего отца, который был старше ее на двадцать лет, забеременела мною, и они поженились.

А когда мой брат вырос и стал совершеннолетним, приехал познакомиться со своей матерью. Вот так я и узнала о его существовании. На тот момент мне было уже пятнадцать лет, и я все чаще задумывалась, почему у нас такие отношения с ней... Вывод, который я сделала поначалу, после появления брата: возможно, из-за фактического отказа от первого ребенка, она мучилась угрызениями совести, поэтому не дарила любви второму. Но впоследствии брат остался жить с нами, и я увидела, что и к нему она не особо трепетно относится; и для себя решила: мама просто такая женщина, которая не показывает своей любви. Мысли, что она нас не лю-

бит, я не допускала вовсе: она же наша мать, она нас родила!

Когда брат стал зарабатывать, то удостоился ее похвалы и объятий. А я не была одарена даже этими знаками внимания.

Я знаю, что отец перебрался в Питер и там живет со своей новой женой. После того, как на восемнадцатилетие он подарил мне машину, я его больше не видела и не слышала. Вот так при обоих живых родителях я чувствую себя сиротой.

Подарок отца остался у нас дома, чтобы «брату было на чем ездить, да и вообще, машина нужна». Водить меня никто не учил, в столицу мою машину никто не пригнал, так она и осталась в семье. Иногда брат подкидывает денжат, он нежадный по натуре. Но часто просит их вернуть, «типа, в долг», так как не рассчитал траты и ему нужны деньги. Не могу сказать, что мы с ним особо близки, выросли-то мы отдельно, но все же что-то теплое по отношению к нему я чувствую.

Как только я получила на руки документы об образовании и результаты ЕГЭ, я уехала учиться в самый амбициозный и перспективный город страны, столицу возможностей – Москву! Чтобы осуществить свою мечту. Тут меня ждала Полина, подруга детства. Мы с ней выросли в одном дворе, она была на год старше, но это никак не влияло на нашу дружбу. Она уехала первой учиться. И уже через год я последовала за ней.

Предполагала ли я тогда, что моя жизнь может так измениться, но вовсе не потому, что я получу достойное образо-

вание?

Глава 3

Ночью, дрожа от холода и пытаясь согреться, я почувствовала, как меня обняла Полина. «Прости, – прошептала она. А после добавила: – Обувь твою поставила у входа».

За что Поля просила прощения? Что я ушла с вечеринки в туфлях и продрогла до костей? Так это не ее вина, это моя импульсивность и задетая гордость, как всегда, сыграли со мной злую шутку. И, конечно, разбившаяся мечта.

А возможно, меня обидело то, что новый знакомый, который показался вполне себе симпатичным, зная, от кого я прячусь, так меня подставил, посчитав, что я это заслужила. Что не помог и не поддержал, а отнёсся ко мне как к пустышке, с которой можно поиграть.

Задел ли меня данный факт? Абсолютно точно – да! И почему я решила, что он мне поможет? А теперь от своих напрасных надежд страдаю только я. Уверена, он и имени моего не запомнил, а вот я... я не забуду ни его имя, ни его дружка.

Как и ожидалось, после ночной зимней прогулки в туфлях наутро у меня разболелась голова и першило горло, появился насморк. И если в универ я могла предоставить справку от терапевта, то на работу мне больничный никто бы не открыл, так как там это дело не очень любят, им легче уволить работника, нежели возиться с его болезнями. Текучка кад-

ров большая, но я держусь уже полгода на своей должности, несмотря на маленькую зарплату. У всякой работы есть свои преимущества, и моя не без этого: например, удастся совмещать ее с учебой, а еще иногородним работникам предоставляется место в общежитии. Поэтому, напившись отваров и наглотившись таблеток, к трем часам дня я уже стояла на своем посту консультанта в ювелирно-часовом бутике главного универмага страны. Моя подруга Полина работала рядом, в мужском отделе одежды бренда с мировым именем. Она мне и помогла с трудоустройством, когда узнала о свободной вакансии.

С тех пор мы живем с ней в одной общежитии и работаем рядом.

Ее смена началась час назад, а так как она приехала сюда с учебы, мы с ней так и не поговорили со вчерашнего дня.

Ко мне подошла наш старший консультант.

– Ты, – как всегда высокомерно, начала она, – посмотри по каталогам изделия сезона весна – лето, перенеси их в стеллажи со скидками. А сезон осень-зима расположи на витрине так, чтобы глаза цеплялись за самые дорогие модели, оформи новые ценники на них, плюс двадцать процентов. Мне сообщили, что к нам едет VIP-клиент, надо продать ему изделия по самой высокой цене. Ты меня поняла? Выполняй!

Я молча кивнула: с ней всегда надо соглашаться и беспрекословно слушаться, иначе я потеряю работу, а значит, и место в общежитии. А упустить такой бонус – себе дороже. Вот то-

гда это будет точно полное фиаско: остаться без работы и без жилья.

Первым делом убрала предыдущую коллекцию, боясь не успеть к приезду клиента, и быстро перебила ценники. Выложила новую, как того требовала Людмила Ивановна, с завышенной ценой. Это стандартная схема, чтобы заработать больше. Богатые люди, которые закупаются в ГУМе, никогда не спрашивают цену изделия, а просто показывают пальчиком, что хотят. А мы, консультанты, должны быстро пробить это все по кассе и упаковать в фирменные пакеты.

У Поли в магазине вообще нет ценников на одежде, чем они всегда пользуются, продавая костюмы с пятидесятипроцентной наценкой. Обеспеченные мужчины редко обращают внимание на стоимость, когда покупают костюмы.

Мы же, работники, смотрим каталоги товаров и удивляемся заоблачным ценам, поражаемся, когда наши селебрити или просто богатые бизнесмены приходят и по несколько товаров за один раз скупают.

Когда я закончила со стеллажом прошлого сезона, услышала, как Людмила Ивановна с кем-то очень елейным голоском разговаривает, предлагая взглянуть «на новую коллекцию, которая поступила буквально несколько дней назад».

К таким клиентам меня, как служащего нижнего звена, не допускали, поэтому я встала в сторонку, выпрямив спинку и сложив руки перед собой.

Но когда я увидела, кто к нам пожаловал, еле удержалась

на месте.

Снежинский Кай стоял на входе в магазин и буравил меня серым холодным взглядом. Да, он действительно высокий, сто девяносто точно, все присутствующие в зале смотрелись лилипутами рядом с ним. Сейчас я в удобных балетках на плоской подошве, а вчера, на каблуках, так сильно не ощущала разницу.

Он собран, одет, как всегда, с иголки, на нем вновь деловой костюм, туфли, начищенные до блеска, а сейчас же на улице зима.

Светлые, чуть длиннее обычного волосы зачесаны назад. Рядом с ним – Людмила Ивановна и девушка лет тридцати, с гладко собранными в хвостик волосами и очками на носу. Выглядит довольно строго, предполагаю, что это его секретарь. Моя начальница, проследив за взглядом Кая Снежинского, зашебетала:

– Это наш младший консультант. Если хотите, она вас обслужит. Майя, подойди и покажи нашу последнюю коллекцию.

Кивнув, пересекла весь магазин и встала рядом с ними.

– Прошу, – указывая направление рукой, предложила.

Секретарь и Людмила Ивановна уже сделали шаг, но загнулись, так как Кай не соизволил даже сдвинуться с места, продолжая смотреть на меня. И если бы я была мнительной особой, то сказала бы что... с ненавистью? Но с чего бы ему испытывать ко мне подобные чувства?! Мы виделись с ним

вчера, перекинулись парой словечек и все. Где я? А где ВИП-клиент Снежинский!

Я тоже застыла, не зная, как поступить. Повисла неловкая пауза, зачинщик которой не спешил ее развеять. Я посмотрела на Людмилу Ивановну, ища в ее лице поддержку. Она же, побледнев, не сводила испуганных глаз со Снежинского.

– Давно работает ваш младший консультант? – вдруг заговаривает Кай.

– Уже несколько месяцев, да, Майя? Ты можешь сказать точнее? – пытаюсь поддержать непринужденную форму общения, отвечает Людмила Ивановна.

– Э... да почти полгода, – я начинаю нервничать, к чему он этим интересуется?!

Он кивает своим мыслям и проходит вглубь магазина. Подходит к стеллажам с часами. А после смотрит на свое запястье.

Точно! У него же часы из последней коллекции нашего бренда, и если он их покупал сам, то без сомнений знает цену, а у нас они выставлены по...

Чтобы не вскрикнуть от своих догадок, прикрываю рот рукой.

Это не остается не замеченным присутствующими.

– В чем дело, – чуть наклонившись, делает вид, что читает

имя на бейджике. – Майя, что-то не так?

Отрицательно машу головой, от страха не в силах вымолвить и слова.

– Точно? – участливо уточняет он, хотя по ощущениям как будто надсмехается.

В этот раз киваю в знак согласия.

– Ваш младший помощник не умеет разговаривать? – издевается мужчина.

Дюдмила Ивановна, наблюдавшая за нами, встрепенулась и кинулась заслонить меня от него.

– Умеет, думаю, девочка просто в шоке от вашего появления у нас в магазине.

– Неужели за полгода работы она впервые встретила клиента? – усмехается он оправданию Людмилы.

– Мне кажется, на нее произвел впечатление ваш внешний облик. Красивый, солидный мужчина заговорил с девочкой, как она... Скорее всего, все дело в вас.

Что? Покашливаю, пытаюсь скрыть язвительный смех от подобного предположения.

– А как вы считаете, Людмила Ивановна, должен ли я терпеть подобное обслуживание?

Лицо женщины пошло красными пятнами. Не зная, чего еще от него ожидать, она лишь больно оттолкнула меня в сторону, а ему пролепетала:

– Конечно нет, конечно нет. Я вам все покажу сама!

– Нет, – резко произносит Кай тоном, от которого страшно

стало даже мне, – пусть она это сделает.

– Хорошо, как скажете, господин Снежинский. Майя! – уже который раз приказывает она мне. – Подойди и покажи все, что интересно клиенту.

Кусаю нижнюю губу, чтобы отвлечься на эту боль и не съязвить, не высказать все, что думаю о нем и о самой Людмиле. Последствия мне известны, поэтому, прикусив язычок, подхожу к мужчине.

– Я вас слушаю...

– Нет, – обрывает меня Кай, – это я вас слушаю. Вы должны показать новый ассортимент, который, как заверяет ваш старший консультант, пришел несколько дней назад.

Киваю, прикрыв глаза, чтобы собраться и не обращать внимания на его недовольную и колкую речь.

– Могу вам предложить... – достаю из-под стекла несколько вариантов часов, называя их основные характеристики и отличия друг от друга. Модель, которая уже украшает запястье Снежинского, специально пропускаю и показываю следующую.

Что не остается не замеченным ни Людмилой, ни самим Каем.

– Майя, а что же ты не демонстрируешь модель, выпущенную всего в нескольких экземплярах? Думаю, господину Снежинскому будет приятно обладать таким раритетом.

Встречаюсь глазами с Каем, но ничего в них прочесть не могу. У него, наверное, на самом деле сердце изо льда! Ина-

че как объяснить тот факт, что взгляд его настолько непро- ницаем?! Я только вижу свое отражение, как в зеркале, но ничего понять не могу.

Не хочу признаваться, что заметила у него эту модель, по- этому следуя указаниям Людмилы и показываю часы.

Он делает вид, что внимательно их рассматривает, и, за- девая ценник пальцем, смотрит на стоимость.

– Людмила, а расскажите, кто ответственный за цены в магазине? – доброжелательным тоном интересуется этот гад.

В очередной раз она меняется в лице.

– У нас цены, установленные производителем.

– То есть вы хотите сказать, что из Швейцарии для про- дажи эта модель пришла по такой цене? – и показывает сто- имость на бумажке.

– Э... я не могу сказать точную, знаю лишь, что все в со- ответствии с каталогом.

Он приподнимает брови, делая вид, что удивлен и не до конца удовлетворен ее ответом.

– Я хотел бы увидеть этот каталог, – твердо заявляет Кай.

Людмилу Ивановну уже потряхивает, она переводит на меня взгляд и говорит еле живым тоном:

– Принеси.

А что нести, когда они тут, рядом. Протягиваю руку и, взяв каталог с полки, передаю Каю.

Он находит сначала одну модель и, сравнив цены, быст- ро посчитав в уме разницу, уже вслух проговаривает сумму.

Потом вторую, третью. И когда, наконец, доходит до своих – а разница там «всего-то» шестьсот тысяч рублей – строго, с угрожающими нотками и грозным видом цедит сквозь зубы:

– Кто установил эти ценники?

Людмила Ивановна, быстро сориентировавшись, немедленно произносит спасительное для нее имя:

– Майя!

– Ну, раз выяснили виновного, – удовлетворенный ее ответом Кай едва заметно улыбается краешком губ, – что же следует вам, как главному консультанту, сделать, а, Людмила? – заканчивает доброжелательным голосом. Не знала бы реальной ситуации, подумала бы, что он ее друг и с удовольствием помогает, предложив свою помощь.

– Уволить сотрудника и вызвать полицию, обвинив его в мошенничестве, – с бледным как простыня лицом медленно проговаривает Людмила.

– Что же, действуйте, Людмила, – удовлетворенно выносит он вердикт.

А я как во сне, будто со стороны наблюдаю, как вершится моя судьба, вот только приговор не выглядит таким уж мифическим.

А как поступить теперь мне? Смогу ли я защитить себя?

Глава 4

Удушающий, панический страх охватывает всю меня, проносится по венам и парализует на месте. Бешено стучит сердце, и неконтролируемо зашкаливающий пульс бьет в виски. От волнения дыхание учащается, а живот сводит в рвотном порыве.

Мое будущее проходит перед глазами: серые стены, маленькое окошко, черная одежда и решетка! Решетка везде! В комнате, проходах, на улице! Ограничивающая меня во всем. И за что?! За то, что выполнила поручение?! Была слишком доверчивой и исполнительной?!

Тошнотворное чувство сильнейшего страха и неприятные ощущения в теле окончательно ослабляют меня, горячая волна проходит по телу, заставляя покрыться липким потом.

Угроза, исходящая от этого мужчины, слишком ощутима. Я не готова к такой агрессии.

Людмила смотрит на меня с выражением лица, полным сочувствия, губами шепчет: «Извини», – и достает из кармана своей юбки телефон...

«Нет! Нет! Нет! Не делайте этого!»

Но моего немого крика она не слышит и, сделав несколько шагов в сторону, набирает номер. Первое, что произносит в трубку:

– Полиция?

Переживания и ощущения настолько сильные, что мои ноги подкашиваются. Еле успев ухватиться за прилавок, остановила свое позорное падение. Силы совсем покинули меня. Облокотившись о стену, думаю, думаю, а перед глазами мельтешат мрачные тюремные картины, и ничего не удастся сообразить. Перевожу взгляд, в котором, я уверена, отражается животный страх, на самого Снежинского, и встречаю абсолютное равнодушие. Он не выражает чувств, что ему в кайф то, что он делает сейчас со мной, не смеется над ситуацией, не издевается. Кай Викторович спрятал свои эмоции за стеной безразличия, и не хочет ими делиться.

– Зачем вы это делаете?

Его серые, ледяные глаза смотрят на меня как на пустое место. В них не прочесть ни ненависти, ни жалости, ни пренебрежения, ни, увы, сочувствия. Они пусты, ему просто плевать.

– Зачем вы это делаете? – еле слышно повторяю свой вопрос. – За что вы так со мной поступаете? Что я вам такого сделала?

Вдруг резким движением приблизившись ко мне, он зло шипит прямо в лицо:

– Я не позволю делать из меня дурака. Любого, кто посмеет посчитать себя умнее меня, постигнет эта участь. Я добьюсь того, чтобы ты и твоя семья страдали. Раз воспитали такую наглую дочь, пусть пожидают плоды своих трудов. И не остановлюсь ни перед чем, приложу максимум усилий

для достижения своей цели.

Обнажив свое гнилое нутро на доли секунды и показав, какой он на самом деле жестокий и беспринципный человек, Кай выпрямился во весь рост и вновь надел безэмоциональную маску.

А мне только остается гадать, что же это только что было и как теперь поступить? Получится ли мне выкарабкаться из сложившейся ситуации?

– Вы же понимаете, что это была не моя прихоть?!

Зло ухмыляется, крайне довольный собой.

– Но попалась же ты.

– А как же тот факт, что сумма поступила бы на счет компании? А не на мой личный? – привожу доводы в свою защиту.

– Оправдываться будешь в суде, мне твои объяснения ни к чему, девочка.

В этот момент возвращается Людмила.

– Господин Снежинский, может, чаю, пока ожидаем представителей правопорядка?

– Людмила Ивановна! – не веря своим ушам и глазам, выкрикиваю. – Как вы можете?! Этот человек хочет отправить меня в тюрьму, а вы его чаем потчевать собрались!

– Молчи, дура, – шепчет она, приблизившись ко мне и скривив свое и так некрасивое лицо, а после поворачивается к нему и продолжает нарочито громко: – Пройдемте!

Отводит его в сторону.

Что происходит? Я что, попала в параллельную реальность? Или смотрю какую-то трагикомедию с собой в главной роли?

Вдруг секретарь Снежинского, о которой я и забыла за всеми событиями, происходящими со мной на данный момент, наклоняется ко мне и тихо, но четко проговаривает:

– Он приехал сюда только из-за тебя. Подумай, что ты ему сделала плохого, и срочно исправляй. Иначе он сживет тебя со свету, – договорив, она развернулась и пошла вслед за своим шефом, встала рядом и так же, как и ее босс, превратилась в каменное изваяние, без чувств и человеческих эмоций.

Что она имеет в виду? Я... да я вижу его второй раз в жизни! Чем я могла вызвать такую ненависть? Может, в тот вечер произошло что-то, чего я не знаю?

Отворачиваюсь к окну: не хочу доставлять ему удовольствие видеть мое страдальческое лицо.

Кому я могу позвонить? Кто меня может защитить? Хозяин магазина? Но он скорее меня подставит, нежели признается, что подобное уже было не раз и он даже платил нам комиссию с «таких продаж».

Маме? Тутдохлый номер! Ни помощи, ни совета. Наоборот, обругает, что попала в такую ситуацию. Брату? Он ничем не сможет помочь, даже если захочет. Его маленькой зарплаты хватит только на дорогу в столицу и обратно.

Полине? Могу потащить за собой: она работает рядом, в

мужском бутике, еще подумают о ней так же!

Крестной Агате, матери Полины? Она, как самая настоящая мама, относится ко мне с любовью и нежностью. Но что она сможет? Разве что словами поддержать. А если она расскажет моей маме, то вслед за ее добрыми словами, полетят бранные и сломают меня окончательно.

– Здравствуйте, кто вызывал полицию?

«Ну все! Мне конец!»

– А что тут происходит? – слышу голос подруги и, удивившись, что это она, бегу к ней и заключаю в объятия. Прижимаюсь сильнее положенного, еле сдерживая отчаянно рвущиеся слезы.

Она обнимает меня в ответ, продолжая задавать вопросы, пытаюсь понять, куда попала.

– Эта гражданочка занимается мошенничеством, продавая товары по завышенной цене, – ставит в известность вновь прибывших Кай, указывая на меня.

Нахождение рядом родного человека придает мне сил и уверенности, поэтому, развернувшись, парирую:

– Мне сказали выбить ценники с двадцатипроцентной надбавкой! Я лишь исполнила то, что мне приказали!

Сейчас он стоит, возвышаясь над нами всеми, как гигантский айсберг, и заставляет заледенеть от страха одним своим пронизывающе-холодным взглядом.

– А на это есть приказ с подписью и печатью, чтобы мы могли опираться не только на твои слова?

И действительно, ведь на каждый товар, есть документация, где указана в том числе и его стоимость. Но из-за срочности и немалой практики в подобных делах, в этот раз с приказом никто не возился.

– Но на камерах должно быть видно, что Любовь Ивановна дала мне это распоряжение.

– Чтоооо? – выкрикивает она, покрываясь красными пятнами. – Ты что, теперь хочешь повесить все на меня? – вдруг громогласно заявляет. – Девочка, я тут работаю уже очень много лет, и такого никогда не было. А ты, наверное, решила меня подсидеть и поэтому увеличила цены на товары, чтобы показать руководству, что со своей милой мордашкой сможешь заговорить клиента так, что он не будет смотреть на сумму!

От удивления даже не нахожусь, что ей ответить. А она, приняв это за капитуляцию, продолжает:

– Но только Кай Викторович не купился на твою молодость и красоту, слава богу. И сегодня руководство увидит твое настоящее лицо. А то строит из себя тут безропотного и неконфликтного ангела уже полгода как. Но истинное нутро всегда вылезет.

– Да как вы можете такое говорить про Майю?! – вступается моя подруга. – Она и рубля ни у кого лишнего не возьмет.

– Да она не мелочится, а работает сразу по-крупному, – едко вставляет Снежинский, прямо глядя мне в глаза, – сум-

ма, на которую эта мошенница хотела меня кинуть, — около шестисот тысяч рублей.

«Точно! — проносится у меня в голове. — Он же не купил часы!»

— Вы это изделие у нас еще не приобрели, — не сдержавшись, радостно выкрикиваю, а сама смотрю на него в упор. Да, вот мое спасение! — И по факту вас никто не обманул. Проверили вас на внимательность. Все действительные ценники лежат внизу, за прилавком. А вот и стеллаж со скидками! Там указаны цены ниже, чем в приказе. Но не думаю, что с вашей скупостью вы бы стали проверять их реальную стоимость, — добиваю его последними словами.

Похоже, мне удалось не только найти спасительную соломинку, что вытащит меня из вязкого болота, в котором хотел меня потопить Снежинский, но и задеть его.

Он не ожидал! Он изумлен! И на долю секунды, совсем на микро-микро миг, мне показалось, что в его взгляде промелькнуло восхищение моей находчивостью, но оно быстро сменилось на уже привычные для меня холод и суровость

— Так что, было правонарушение или не было? — спрашивают полицейские, попеременно глядя то на меня, то на Кая Викторовича.

Мы с ним одновременно уверенно заявляем:

— Да, — это он.

— Нет, — я.

— Наталья, — вдруг строго произносит Кай, и по его коман-

де активизируется его секретарь, которая до этого времени молча стояла в стороне.

Она подходит к представителям закона и просит выйти с ней и поговорить вне магазина.

– Эй, это еще для чего?! – делаю шаг к ним и даже хочу ухватиться за одежду одного из блюстителей порядка, но вовремя одумываюсь, и моя рука так и остается висеть в воздухе.

– Гражданочка! – сразу отреагировал полицейский, грозно глядя на меня. – Стоим и ждем. Сейчас решим все и оформим вызов.

Они выходят из магазина и начинают что-то обсуждать, вернее, говорит только секретарь Наталья.

Слышу, как Людмила в сторонке уже описывает по телефону случившуюся ситуацию и называет имя «Владимир Олегович» – это наш прямой руководитель.

Но ожидать от него поддержки не приходится: он будет, как и Людмила, «петь» о моей личной выгоде.

Чувство тревоги нарастает. Ничего мне не исправить, никакая находчивость меня не спасет. Я проиграла в этой схватке Снежинскому уже задолго до приезда полицейских, и никто мне не поможет. Я для него цель, и он не успокоится, пока не достигнет ее. Тиран, который не умеет проигрывать!

От бессилия закрываю руками лицо, понимая, как дальше все будет происходить.

Подруга, увидев мое состояние, обнимает меня, желая по-

дарить поддержку, успокаивающе гладит по голове, приговаривая шепотом:

– Все будет хорошо. Я уверена, все разрешится.

А после отходит от меня и обращается к моему мучителю со словами:

– Можно вас на минуточку?

На удивление он легко соглашается, и они тоже удаляются.

Не слышу, что говорит Полина, но делает она это довольно эмоционально, однако, как всегда, натывается на полное безразличие...

– Майя, – отвлекает от них меня Людмила Ивановна, – слушай внимательно. Владимир Олегович тебя вытащит, не сопротивляйся. Этот хрен, Снежинский, хочет хоть кого-то наказать. Согласись. Он остынет, и тогда шеф отправит за тобой нашего юриста и тот вытащит тебя. Поняла? Соглашайся со всем, что говорит этот Кай Викторович, иначе будет только хуже.

Что она говорит?! Взять всю вину на себя? Нет! Как?! Довериться ей и Владимиру Олеговичу? Но стоит ли? А вдруг они обманут? Какие у меня гарантии? Никаких! Но адвокат мне бы не помешал.

– А я могу быть уверенной, что он выполнит свое слово и пришлет юриста?

– Конечно, это же наш шеф! – эмоционально, больше чем следовало, воодушевленно, отвечает мне.

– Мне надо подумать...

– Гражданочка, – привлекают все наше внимание вновь зашедшие в магазин полицейские, – пройдемте. Дальше будем разбираться в отделении.

– Что? Нет. Почему? Вам что, заплатили за мой арест? – не сдержавшись, наезжаю на говорившего.

– А это уже оскорбление при исполнении, вы хотите прибавить себе проблем? – строгим, суровым голосом осаждаю меня полицейский.

Не зная, что сказать, делаю шаг назад.

– Нет, я не хочу в полицию, я не хочу в тюрьму! – со слезами на глазах перехожу на писк. – Я не виновата! – верчу головой, не веря, что это происходит со мной.

– Гражданка, не заставляйте надевать на вас наручники, пройдемте, накиньте куртку, на улице холодно.

В этот момент в магазин возвращается моя подруга.

– Полина, – бросаюсь к ней, – помоги! Они хотят меня забрать!

Но не успеваю до нее добежать, как меня хватают за руку и заламывают ее за спину.

– Пройдемте, вы задержаны до выяснения обстоятельств происшествия, – окружают меня с двух сторон и подталкивают к выходу.

– Нет. Нет, – шепчу себе под нос, не веря в происходящее.

Волосы упали мне на лицо и скрыли от окружающих слезы, хлестко падающие на мое лицо.

– Майя, все будет хорошо, я приеду и вытащу тебя, – кричит мне вслед Поля, – слышишь, я все исправлю! Майя, ты слышишь меня? – как будто издали долетают до меня ее слова, пока полицейские ведут меня к лифту.

Все же он добился своего. Он хочет меня уничтожить, и на данный момент идет в правильном направлении, у него действительно все получается.

Интересно, где предел его возможностей? И когда он посчитает, что уже довольно?

Глава 5

Меня выводят из ГУМа, схватив по обе стороны за руки выше локтя, под пристальными взглядами как гостей центра, так и его работников. Кто-то меня узнает и растерянно шепчет: «Что случилось?», кого-то веселит «представление», а кто-то просто из любопытства выходит из бутика и сопровождает меня осуждающим взглядом.

Я думала, что унижения ждут меня лишь по приезду в полицейский участок, но все началось намного раньше: сейчас! Когда я еще даже не покинула места своей работы. Все, кто увидел меня, ведомую под конвоем двух представителей правопорядка, расскажут и перескажут это событие дальше, по цепочке, приукрашая, придумывая все новые и новые несуществующие подробности. Эти люди даже рады, что сегодня оказались тут и лицезрят такое шоу. И только мне предстоит нести весь груз последствий этого события, только мою жизнь перевернули, вывернули, вытрясли из нее все хорошее и заполнили этим объёмным, всепоглощающим чувством стыда, которое перекроет мой кислород свободы и даже в случае благоприятного для меня разрешения ситуации не даст уже вольно передвигаться по городу, не опасаясь встретить всех этих свидетелей моего позора, что не преминут указать на меня пальцем и сказать, что видели, как меня арестовали, что я преступница.

Снежинский Кай поставил на меня это грязное, противное клеймо, и уже ни перед кем я не смогу от него отмыться. Для всего этого огромного количества зевак – я виновна, меня поймали с поличным, арестовали и теперь ведут в участок для определения наказания.

– Не снимайте! Не снимайте! Слышите?! – вдруг вопит Полина. Оборачиваюсь и натыкаюсь на объектив камеры на телефоне подростков.

Замираю.

«Нет! Боже, нет! Только не это!»

Глаза мальчишки горят азартом, он уже предчувствует свой звездный час, когда выложит видео в инет, предвкушает, как после будет хвастаться сверстникам, что оказался в нужном месте в нужное время.

«А как же я? – хочется мне крикнуть! – Пожалуйста, подумай обо мне! Что станет со мной, если ты так поступишь?»

Но он не слышит моей немой мольбы, он весь уже в своих фантазиях. И они ему слишком нравятся, чтобы обратить внимание на мои умоляющие глаза, понять, каково мне сейчас, войти в положение и задуматься, стоят ли пять минут его «славы» сломанной судьбы девушки, которая приехала в столицу за лучшей жизнью, а теперь познает самые страшные муки.

Опустив голову, стараюсь прикрыть лицо копной своих темных пышных с завитушками волос. Мне уже не спастись от позора, путь в этот торговый дом для меня закрыт. Но

унижаться и молить на камеру со слезами на глазах я не стану. Кусаю губу до крови и иду вперед, стараясь не реветь в голос, тихонько вою себе под нос, оплакивая свою еще толком не начавшуюся, но с таким треском закончившуюся жизнь.

Наконец мы выходим на улицу, ноги утопают в снегу, холодный порыв зимнего ветра окутывает меня, заставляя ощутить все свои косточки и затрещать зубами. Февраль еще никогда в столице не был столь суровым.

Полицейские открывают двери машины и усаживают меня на заднее сидение, сами же садятся вперед и переговариваются с кем-то по рации. Машина остыла, пока они были в здании, и от холодных сидений всю меня колотит еще больше. Зуб на зуб не попадает.

– Я же говорил, куртку возьми, а ты не послушалась. Теперь сиди, мерзни. Приедем, в камерах чуть теплее будет. – От его слов пуще прежнего бросает в дрожь. Я теперь должна мечтать оказаться поскорее за решеткой?

– Ну или машина скоро прогреется, – обнадеживает второй.

Молча отвернувшись к окну, ерзая на сидении в попытках не замерзнуть еще сильнее, руками растирая свое лицо, руки и ноги, пока те совсем не окоченели.

До ближайшего отделения действительно оказалось не так далеко, но этого хватило, чтобы я продрогла окончательно. Выйти сама я уже не могла, поэтому меня вытащили из машины и завели в здание местного ОВД.

– Так, Коль, оформи девчонку пока в камеру, чуть позже составим протокол. Замёрз, с*ка, ветер, чтоб его...

Дежурный, сидящий за столом, встал, схватил меня за предплечье.

– Да ты заледенела вся, совсем со своей модой бестолковые стали! Носитесь голые, потом жалуетесь... – ворчит и ведет по коридорам, а после заводит в закуток и, открыв ключом решетчатую дверь, подталкивает в камеру.

– Проходи давай.

Все еще сжатая, скукоженная от холода, стуча зубами, захожу в небольшое, серое, плохо освещенное помещение. ОВД занимает первый этаж жилого дома. Комнатки тут маленькие, проходы узкие, да и само отделение, видимо, небольшое.

– Ой, балда. Сейчас воды горячей из кулера принесу тебе. Хоть зубами перестанешь клаять.

Махнув головой в качестве благодарности, пошла и села на деревянную лавочку. Об удобствах и не думала, но была бы она чуть побольше, наверное, я и прилегла бы, чтобы забыться в спасительном сне и никогда не просыпаться больше.

Сколько они тут меня хотят продержать? Протокол сразу не стали оформлять. Интересно, а я имею право на звонок, как показывают в кино? Или это только романтические американские фильмы нам об этом говорят, а суровая российская реальность твердит и устанавливает свои законы?

А кому мне звонить?! На свете нет близкого человека, который бы смог вытащить меня отсюда. У отца бизнес, но, насколько я поняла со слов мамы, он просил ему не писать и не звонить. Сказал, что свой родительский долг он выполнил алиментами и подарком на совершеннолетие.

Стоит ли мне, несмотря на его запрет, позвонить ему? Номер я подсмотрела в мамином телефоне. Если он, конечно, еще не сменил его.

Но что со мной будет, если он откажет? Не сломаюсь ли я окончательно от равнодушия человека, которого боготворила и любила, каждый день ощущала его заботу и любовь до десяти лет, но который исчез после и никогда не появлялся?

От бессилия, и морального, и физического, не могла даже сидеть нормально, а потому подтянула ноги и обняла себя за коленки. Все, что мне остается, – это ждать.

Ждать, когда меня спросят, сказать правду и надеяться, что меня поймут и отпустят, ведь не должны же за такое посадить. А может, штраф заставят платить? Но ведь я и этого не смогу сделать. Я, конечно, откладывала с каждой зарплаты по сто-двести рублей, и за полгода в «Заре» и полгода в ювелирном бутике собралось аж две тысячи рублей. Для кого-то эта сумма ничтожна, но для меня это новая сумочка, или джинсы и, может быть, еще кофточка на Люблино.

– Давай, шагай! – прорезается грубый мужской голос откуда-то издалека.

Открыла глаза и даже не сразу поняла, где я, а как осозна-

ла, дернулась и взвыла от боли. Я уснула на лавочке и окончательно продрогла. И теперь любое движение – это адская пытка. Голова гудит, в горле ощущение наждачной бумаги, губы высохли, руки и ноги ломит, я даже ощущаю, как болят ребра.

Озираюсь по сторонам. Могу ли я кого-то позвать на помощь? Придут ли? Через невероятные усилия и движимая страхом быть застигнутой в не очень нормальной позе, постаралась опустить ноги. Но встать на них не удалось, и я рухнула прям на холодный цементный пол. Новая порция боли заставляет шипеть от отчаянья и бессилия. Потирая ушибленное место, встаю на колени и пытаюсь вновь заползти на лавочку, и именно в этот момент вновь слышу грубый хрипловатый голос позади себя.

Меня трясет уже не то от страха, не то от холода. Нахлынула паника, заставляя меня сжаться.

– Смотри, какая у тебя компания. Хех.

Так же продолжая стоять на четвереньках, оборачиваюсь – в камеру вводят женщину средних лет, в объемном пуховике оверсайз. Ее толкает полный мужчина, облаченный в полицейскую форму:

– Слышь, да я готов с тобой поменяться местами ради нее, – пошло шутит это противный мудака, вновь грубо пихает ее и сам проходит в камеру.

– Ты что, красотка, провоцируешь меня, а может быть, выйти отсюда хочешь, а? – и нагло оглаживает мою задницу

своими мясистыми лапищами.

Хочу их стряхнуть, но вместо этого содрогаюсь от боли и падаю на локоть.

– Руки от нее убрал, – угрожающе шипит женщина, – не то заору, все отделение прибежит.

– Ладно, не кипишуй, не кипишуй. Она сама задницу подставила, да, кроха. Да ты и сама видела.

– Пошел, я сказала!

– Не зарывайся, тут я власть! – пытается восстановить свое лидерство, на что женщина лишь усмехается. Зло посмотрев на нее, он выходит из камеры и с размаху бьет решетчатой дверью, с грохотом ее закрывает.

От такого шума мои уши закладывает. Скорее всего, вчерашнее обморожение, плюс сегодняшнее переохлаждение, в итоге организм дал сбой. И я все же заболела.

– Ты чего тут представление устроила? Другим способом выйти не пробовала? – грубо бросает она мне.

Пытаюсь ей ответить, но вместо голоса прорезается лишь хрип. Лицо морщится в болезненном спазме.

Она наклоняется ко мне и, поняв, что на самом деле со мной не совсем все в порядке, трогает мой лоб.

– Черт! Да ты горишь!

Резко стягивает свою куртку и накидывает на меня, а после помогает мне сесть на лавочку.

– Ты чего, девочка? И тебя такую привезли сюда?

Растирает мою спину и руки, а у меня от такой заботы по

щеке скатывается одинокая слеза: совершенно чужая женщина помогает мне после минуты знакомства. А мама моя никогда меня так не обнимала и уж тем более не растирала мне спину, чтобы согреть и уменьшить боль.

Пытаюсь спросить время, но вновь у меня ничего не выходит.

Жестом показываю на запястье, она, понимая, отвечает:
– Полдвенадцатого ночи.

Да, меня конкретно отрубило. Теперь понятно, почему все ноет.

А женщина все продолжает разминать мое тело поверх куртки, и по чуть-чуть я начинаю чувствовать тепло. Под кожей ощущаю болезненное покалывание, ноги сводит судорогой. Новая знакомая, заметив это и не брезгуя, помогает мне вытянуть ноги, тем самым уменьшая боль.

– Как ты? Легче стало?

Осторожно киваю.

Сев рядом, она обняла меня и, продолжая наглаживать плечо, проговорила:

– Очень хочу тебя расспросить, что с тобой, но вижу, что не в состоянии. Слушай, у тебя температура. Может, и анги-на уже. Надо им сказать. Посиди, облокотись о стену.

Она осторожно усаживает меня, а сама, встав, начинает кричать, чтобы принесли мне лекарства. Но никто даже не подходит.

– Черт, что же делать? Девочка, придется подождать, пока

за мной приедут. Я тебя тоже вытащу.

Грустно улыбаюсь. Это было бы здорово, если бы было правдой.

Я вновь впадаю в забытие и снова просыпаюсь. Она все еще рядом, обнимает и шепчет слова утешенья.

Прихожу в себя от шума. Открываю глаза, а напротив меня, плотоядно улыбаясь, стоит этот жирдяй и строго ей выговаривает:

– Рот закрой, я к девчонке. Вот, уже глаза открыла. Слышишь, красотка, выйти хочешь отсюда?

Не понимая до конца, что происходит, растерянно смотрю то на нее, то на него.

– Вижу же, что хочешь. Слушай, ты здесь уже больше трех часов, протокола на тебя еще нет. Я могу освободить тебя, если, конечно, ты не против, – похабно лыбится.

Глаза закрываются, и только усилием воли остаюсь в сознании, чтобы все же дослушать предложение полицейского, а не забыться в тяжелом сне.

– Давай, детка, ответь мне.

Я киваю, все еще не понимая, чего же от меня хотят.

– Ты мне сделаешь приятное, и я тебя отпущу, как тебе предложение?

– А не пошел бы ты?! – кричит на него женщина, и от шума мне больно простреливает в ушах, закрываю их руками. Меня ломает до такой степени, что слезы льются и я плачу не в силах сдержаться.

– Ох, нет. Так дело не пойдет Ладно, зайду перед концом смены, а ты пока подумай.

Женщина материт его как может, а мне уже плевать, я мечтаю лишь о том, чтобы эта боль наконец прекратилась.

Я снова забываюсь во сне, тепло укутавшись в ее пуховик и оперевшись о стену.

– Эй, просыпайся! За тобой пришли!

Они даже имени моего не спросили. Поэтому и зовут так. Оглядываюсь, ищу свою соседку, но никого нет.

– Слышишь, выходи.

Опускаю свои ноги на холодный бетон, через тонкую подошву балеток четко ощущая его холод. По инерции вновь подбираю ноги под себя.

– Некогда играть. Говорю, пришли за тобой. Выходи давай, – не унимаясь, требует полицейский.

В этот раз уже готовая ощутить прохладу в ногах опускаю их и по стеночке подхожу к двери.

Из пуховика выглядывают только глаза, чтобы смотреть, куда иду, остальная часть лица и тела прячутся в куртке, которая дарила мне тепло уже несколько часов.

Прохожу тот же путь, по которому меня привели сюда. За окном видны первые лучи солнца.

«Это что, уже утро?»

Полицейский открывает дверь и говорит:

– Давай, за тобой приехал брат. Выходи.

Брат? Как он узнал? Полина рассказала? Но как бы он за

ночь смог приехать? Если только на машине! Неужели он решился на такой поступок ради меня? Не важно! Главное, он освободил меня!

С надеждой на лучшее выхожу на улицу. После мрачной каморки даже рассветное солнце ослепляет, ничего не вижу. Проморгавшись и привыкнув к свету, прикрыв лицо рукой, пытаюсь узнать в подъехавшей машине мою, компактную белую «хонду», но передо мной стоит большой черный «крузак».

Это что, шутка, что ли? Где мой брат?

Вдруг дверь машины открывается и прямо передо мной возникает высокий мужчина. Он закрывает мне солнце, и, подняв глаза на его лицо, я понимаю, что это не брат, это мой враг номер один.

«За что? Опять? Нет, я не хочу!» – это последняя мысль, которая появляется в моей голове, прежде чем в глазах снова воцаряется ночь...

Глава 6

Вспышками сознание то возвращается, то снова исчезает.

Периодически слышу гул рядом, а потом все опять затихает. Я будто в тумане брожу, ничего не вижу, иду на голоса.

Иногда они исключительно мужские, незнакомые, но так мне неприятны, так угрожающе звучат, что тело трясет будто в лихорадке.

– Ты не перегнул палку? Может, не следовало так жестко с ней? Видишь, она не вывозит твой напор.

– Да я и не собирался так далеко заходить, – без какой-либо доли сожаления просто отвечает второй собеседник. – Хотел, чтобы убралась из города, оборвав все связи, но не за решетку, естественно. Просто все пошло наперекосяк, и вот итог...

– Да уж...

– Что это ты за нее запереживал? Если тебя это успокоит, то дела не завели, и вообще, ее имя нигде не фигурирует.

– Да мне все равно. Но так вроде неплохая девчонка. Ты и сам видел отчет.

Дальше пауза, и я думала, что разговор окончен, но он продолжился.

– Что врачи сказали? – заговорил вновь первый.

– Пневмония, почки застудила, ангина... Короче, с букетом болячек вышла. Только за одну ночь в отделении все,

что могла, подхватила.

– Бедная девочка.

– Не преувеличивай. С ней все будет нормально. Выкарабкается, а после еще и, собравшись с силами, нападет. По ее венам течет не та кровь, чтобы сдаться и сложить лапки, поверь мне.

– Да, ты рассказывал... но... не знаю, не знаю. По мне, ты перегнул.

Разговоры прерываются, и я снова хожу как в тумане, на ощупь пробираясь куда-то. Мое внимание привлекает новый голос – женский, молодой, но очень недовольный. Ранее я его не слышала.

– Так это правда! – слышу звук каблуков, нервно постукивающих по паркету. – Что она тут делает?

– Лежит, – а этот голос я уже слышала в другой беседе.

– Не ерничай! Я это и так вижу!

Вновь тишина, и я решила, меня опять унесло от говорящих. Но нет, я тут, просто надо было обождать паузу.

– Что она делает в твоём доме?

– Мой ответ все тот же – лежит, – грубее, чем следовало, отвечает ей обладатель второго голоса, явно теряя терпение.

– А твоя мама знает?

– Что? – недоумевает мужчина.

– Что ты держишь у себя левую девчонку! Устроил тут ей госпиталь на дому!

– Ты думаешь, ей следует об этом знать? – угрожающе ши-

пит мужчина, а я прям чувствую, как по телу пробираются мурашки, заставляя меня дрожать. Он опасен, как хищник, который в любой момент готов совершить прыжок и настигнуть свою цель. – Я еще выясню, кто из домработниц тебе настучал. И тогда ни тебе, ни ей не поздоровится за то, что устроили за мной слежку.

– Никто ничего не устраивал, – не совсем уверенно оправдывается девушка, как будто придумывает все на лету. – Просто я позвонила и спросила, дома ли ты, один или, может, с гостями... хотела подъехать. И тогда мне рассказали.

– Да, да. Сейчас мне с этим некогда разбираться, но поверь, тебе лучше прекратить. Либо сдавай ее, и я уволю твою наводчицу, либо просто уволю всех, но и тебя больше не пущу в дом.

– Ты не посмеешь! – на эмоциях выкрикивает девушка. – Мой отец спонсировал твой бизнес, и если бы не он...

– Если бы не он, ты бы тут не стояла. И учти, дивиденды по акциям, которыми владеет твой отец, уже давно перекрыли вложения в несколько раз.

– Но, но... по-человечески, ты разве не испытываешь к нему благодарности? Он помог тебе вернуть все магазины твоего отца! – предпринимает последнюю попытку образумить мужчину девушка.

– «По-человечески», Элина, ты серьезно? – горько усмехается мужчина. – В бизнесе нет таких слов. Вроде ты окончила Высшую школу экономики, а этому так и не научилась.

– Ладно, хорошо. А как же твоя мама? Она видит невесткой только меня.

– И? В чем проблема? – небрежно интересуется мужчина.

– Как в чем? У тебя в постели девица! И как мне это понимать?

– Полуживая, Элина, полуживая девица. Не забывай об этом. Или ты думаешь, я некрофил? – грозно, повысив голос на девушку, вопрошал мужчина.

– Боже! Нет, ты что?

– Ну что тогда за беспочвенная истерика?

– Просто я была в шоке, что у тебя в спальне девушка и...

– Уточняй в следующий раз у своих кротов, в какой именно спальне... в моей или соседней.

– Хорошо, ты прав. Извини. Может, спустимся вниз, выпьем чего-нибудь... м? – окончание предложения явно соответствовало заигрыванию со стороны девушки.

– Пошли, – и это первое слово мужчины, которое было произнесено с легкостью и нормальным тоном.

И снова тишь да гладь, ни звука. От этих двоих только голова разболелась. Уж слишком истерический голос у девушки.

Сколько времени прошло в обманчиво чуткой тишине? И вновь голоса мужчин тревожат мою душу:

– Что говорят? Когда очнется?

– Сказали, что из критического состояния вывели, через день, край два, должна открыть глаза.

– Хорошо, хоть смерти невинных на тебе не будет, – прикалывается первый мужчина.

– Придурок, – парирует второй, насмехаясь.

Я снова во всеобъемлющей, безмолвной тишине, которую неожиданно нарушает чужое присутствие. Я явно чувствую прикосновение к своему лицу, как будто кто-то нежно проводит ладонью по щеке, и вслед за этим слышу спокойный, тихий мужской голос. Хочу открыть глаза, посмотреть, кто это, но веки тяжелы, и мне ничего не удастся.

– Девочка, и зачем ты приехала в столицу? Тут моя территория. И они это прекрасно знают. Сами же установили это правило. Так почему же отпустили тебя ко мне? Неужели они передумали?

Сознание проясняется, каждый прожитый миг моей жизни за последние несколько дней проносится перед глазами.

И я с ужасом понимаю, что знаю, кому принадлежит этот голос...

Открываю глаза и вновь их прикрываю от ослепляющих солнечных лучей, которые пробрались в комнату сквозь распахнутые окна. Инстинктивно выставляю ладонь, чтобы за-

щититься от их наглого вторжения, но ощущаю ограниченность в движениях. Осмотревшись, замечаю катетер, прикрепленный к руке, а проследив за трубкой – вставленную в него капельницу с каким-то раствором, который в данный момент вводится в мой организм.

Ненавижу больницы! Умело освобождаюсь от всех этих иголок и катетера и, наконец почувствовав свободу, с облегчением вновь падаю на подушку.

Звук открываемой двери привлекает внимание.

И, оглядевшись, понимаю, что это не больничная палата, а если это и клиника, то точно бизнес-класса! Просто таких комнат я даже в кино не видела.

В комнату входит невысокая коренастая женщина средних лет, по-простому одетая. В ее глазах читается радость, которая, впрочем, тут же сменяется возмущением: я же отсоединила систему.

– Зачем ты это сделала? – начинает она причитать, поднимая с пола капельницу и прочие принадлежности. – Лекарство еще полностью не докапало, осталось же совсем чуть-чуть, надо было подождать.

– Я себя хорошо чувствую, не надо в меня вливать непонятно что, – остро реагирую на ее замечания, неосознанно грублю. Откуда они знают, на что у меня аллергия, а на что ее нет! Без моего ведома мне нельзя все подряд ставить.

Женщина внимательно на меня смотрит, а после говорит: – Вроде милая девушка, а ведешь себя как эти выскочки,

которые навешиваются к... эх... — задетая моим тоном, махнув на меня рукой, она отвернулась и поспешила выйти из комнаты, а я поняла, что перегнула и обидела ни в чем не повинного человека.

Черт!

Попыталась встать, но общая слабость организма сказывалась, и я завалилась опять в кровать.

На эмоциях бью по постели рукой, а после, собравшись с силами, кричу:

— Извините.

Надеюсь, она услышит. Меня всегда грызет совесть, если кого-то обижаю. Иной раз, даже если я не виновата, но человек обиделся, я все равно первая делаю шаг навстречу и пытаюсь наладить комфортное общение.

Откинув голову на подушку, смотрю в потолок.

Что происходит? Где я? Все же это не больница. Хотя комната пропахла медицинскими препаратами.

— Остыла?

На пороге стоит эта же женщина и ждет моего ответа.

Осторожно киваю. И она проходит вглубь комнаты и подходит ко мне.

— Я не врач, ничего не знаю о тех лекарствах, которые тебе кололи. Но Геннадий Иосифович — очень хороший доктор, и абы что он бы не назначил. Так что, можешь не переживать.

— А где я? — с опаской спрашиваю, надеясь услышать, что произошло и как тут оказалась.

Она удивилась, а после тихо произнесла:

– Ты не помнишь, как сюда попала? Или кто тебя привез?

И как бы ей мягко сказать, что у меня нет ответа ни на один из ее вопросов?

– Я не помню ничего. Может, вы объясните?

– Ну, – обрадовавшись, что ее спрашивают, и почувствовав свою значимость, женщина, отвернув простыню, присела на край кровати, – тебя принес Кай Викторович, на руках. За ним сразу приехал и Геннадий Иосифович с бригадой врачей и переносным оборудованием. Уж не знаю, почему тебя не в больницу повезли, а сюда... Но мой руководитель никогда не совершает необдуманных поступков, значит, на то были причины.

Когда она произнесла имя «Кай Викторович», мое сердце зашлось от страха. Все-таки мне не показалось, и я видела его тогда, рано утром, когда вышла из камеры. Но зачем? Сам же меня отправил за решетку, сам же и вызволил? Это он что, показывает мне свое всемогущество?! Но зачем? Я и так с первой нашей встречи все поняла: мужик при деньгах и властью не обделен. Зачем нужна была столь яркая демонстрация силы?! Или он передумал и пожалел меня? Нет, такого быть не может! Но тогда что? И вообще, когда это было?!

– А сколько я тут уже дней?

– Ну, если считать сегодняшний, то три.

– Ох, черт! – резким движением откидываю одеяло, при-

поднимаюсь на кровати, опускаю ноги на пол и... в глазах темнеет, теряя ориентацию, вновь обессиленно падаю назад.

– Ох, девочка. Ты что творишь?! – бьет меня по щеке женщина. – Эй, ты меня слышишь?

– Да, – тихонько проговариваю, – не надо бить... я в сознании... просто слаба.

– Ну ты даешь! Тебя с того света вернули, а ты тут, как ракета, вскочила! Лежать тебе надо. Геннадий Иосифович ясно сказал: постельный режим до полного выздоровления!

Растерянно тру рукой лоб. Ноги все еще на полу, но сама вновь лечь на кровать я не смогу. Просить ее о помощи тоже неудобно. Снова моя импульсивность вводит меня в унижительное положение.

– Давай я тебе помогу, – добродушно предлагает сама женщина, чем очень упрощает ситуацию.

С благодарностью принимаю ее помощь. И вновь улегшись на кровать, спрашиваю:

– Как вас зовут? Вы так добры ко мне, а я до сих пор не знаю вашего имени.

– Тамара Ивановна. А тебя?

– Майя.

– Красивое имя, – добродушно проговаривает она, – давай я тебе подушку взобую, и ты нормально ляжешь.

Улыбнувшись, жду, когда она проделает все манипуляции с подушкой. А закончив взбивать и расположив ее сзади ме-

ня, интересуется:

– Кушать хочешь?

– Не особо, – честно признаюсь ей.

– А надо. Сейчас принесу лечебный бульон, он тебя сразу поставит на ноги.

Тамара Ивановна ухаживала за мной еще четыре дня. Как она и говорила, бульон творил чудеса, и уже к вечеру первого дня я смогла сама встать.

Ко мне приехал этот самый Геннадий Иосифович, внимательно осмотрел, послушал легкие, спросил о моем самочувствии. Подправил список лекарств и уехал. Так он меня навещал каждый день. Я уже спокойно сама расхаживала по комнате. Но покидать ее пределы мне было запрещено. Однако я не чувствовала себя запертой в неволе. У комнаты был застекленный балкон, и я из окна наблюдала за людьми на улице. А самое главное, тут не было решеток, и я сама решала, какой у меня будет распорядок дня. К комнате прилежала душевая. Каждое утро Тамара Ивановна приносила новую пижаму и свежее постельное белье. Если бы еще и на прогулки на улицу пускали, я бы ощутила себя в пятизвездочном отеле. Тамара Ивановна принесла мне несколько книг классиков, за чтением я проводила часы одиночества.

Я не знала точно, на каком этаже нахожусь, но вид из окна мне определенно нравился: широкий проспект, постоянное движение машин, а ночью зажигались огни. И вообще, я ощущала себя как в сказке. Более беззаботных дней в сто-

лице у меня еще не было.

Меня не запирали на замок. Нет. Но Тамара Ивановна ясно дала понять, что она принесет все, что нужно, а я должна отдыхать и выздоравливать. Но я и не стремилась выйти, не хотела случайно встретиться с хозяином квартиры. Пока я его не видела, у меня было ощущение, что я в больнице и за мной производят надлежащий уход. Но если я встречу его, вся легкость испарится. И я почувствую себя обязанной. А я этого не хотела, тем более он тоже виновен в моем плохом самочувствии. Как и Артемий. Из-за друга Снежинского я протопала немало километров в одних туфлях в зимний мороз, ночью! А сам Кай отправил меня за решетку, в холодную и сырую камеру! Так что, они оба виноваты в моем сегодняшнем состоянии!

В первый же день, когда я пришла в сознание, мне дали позвонить и немного поговорить с Полиной.

Моя бедная подруга вся извелась, пока искала меня в отделении полиции. И когда ее в очередной раз прогнали оттуда, она написала заявление о пропаже. Моя родная и любимая подруга, нет, она еще ближе – она как сестра!

Успокоив ее и рассказав все, что знала сама, я с ней попрощалась. Телефон мне больше не давали.

Раздается стук в дверь, и в комнату входит взволнованная Тамара Ивановна.

– Вот, – протягивает она мне халат, – накинь. Кай ждет тебя в кабинете. Я провожу.

Ее волнение передается и мне, руки вспотели, меня потряхивает. Путаюсь в длинных рукавах, но кое-как справляюсь. Запахиваюсь и затягиваю пояс – все, я готова к встрече с палачом моей жизни.

Спустя несколько минут я в растерянности стою у дверей комнаты, где меня ожидал этот тиран.

Тамара Ивановна ушла, а я все не решаюсь войти, дрожала перед встречей с тираном, как маленькая девочка.

А потом, послав все к черту, постучала и резко отрыла дверь! Ну не убьет же он меня, правильно? Не для этого выхаживал!

Оглядела просторную комнату, которая служила Снежинскому кабинетом.

Массивный деревянный стол у панорамного окна, его рабочее кожаное кресло медно-рыжего цвета, напротив него этого же цвета, но другой формы диванчик для посетителей.

Сам Кай Викторович сейчас стоит ко мне спиной и рассматривает прекрасный вид, открывающийся из окна.

Я молчу, ничего не говорю, жду, когда он начнет. А Снежинский, как будто испытывая меня на прочность, продолжает хранить молчание.

Так мы и стоим, не желая уступать друг другу.

Не выдержав, прохожу вглубь комнаты и присаживаюсь на диванчик. А он словно этого и ждал, заговорил именно в этот момент, заставив меня с визгом подскочить на месте.

– Как ты себя чувствуешь? – небрежно бросает в мою сторону. И вроде интересуется моим здоровьем, но выглядит так, как будто не дождется, когда я исчезну.

– Возможно, завтра меня Геннадий Иосифович окончательно выпишет.

– То, что говорит врач, я сам знаю. Я тебя спросил о другом.

О чем другом?!

– Нормально я себя чувствую! – с вызовом бросаю ему в ответ.

– Дерзишь – значит действительно приходишь в себя. Иди, свободна. – Так ни разу и не обернувшись, указывает мне этот человек, что делать.

Эх, взять бы в руки что-нибудь тяжёлое да как врезать ему по темечку!

– Чего медлишь? Освободи кабинет, у меня дела.

Не сдержавшись, топнула ногой! Да что же такое, как он со мной разговаривает!

– Зачем привезли сюда? Могли бы отвезти в «скорую», и дело с концом! Не надо было ждать, пока я выйду! Я не нуждаюсь в милостыне, наши больницы ничем не хуже той «тюрьмы», в которую вы меня заточили, – я, конечно, утрирую называя просторную комнату со всеми удобствами – тюрьмой, но его тон очень меня задел.

– А я и не подаю! Как только выздоровеешь, выставлю из дома в том, в чем пришла.

Глава 7

– Да пожалуйста! Я и не просила меня вытаскивать из отделения! И если что, я не считаю, что вам что-то должна! Учтите!

Никакой реакции.

Да что же он непрошибаемый-то такой! Горделивый истукан!

– И не я вас собиралась обмануть с ценой товара, а старший менеджер магазина. Сверху поступило предупреждение, что приедет ВИП из ВИПов, вот и увеличили цену на двадцать процентов. А вы всех собак на меня... а я ведь только исполнитель.

Вновь ноль реакции. Обошла диван и встала со спинки. Руками схватила за мягкое изголовье, сжимая его и набирая смелости.

– Сначала ведете себя со мной как с человеком второго сорта, – выдаю, надеясь вызвать эмоции или хотя бы чуточку уважения, чтобы повернулся ко мне и разговаривал как с человеком! – После приезжаете ко мне на работу, меня увольняют и отправляют в отделение полиции. Оттуда вы же меня и освобождаете, а потом выхаживаете после болезни, а теперь вновь грубо гоните! Что вы за человек?! – в сердцах повышаю голос. – Почему совершаете такие поступки, которые не поддаются элементарной логике? Я не понимаю! Объяс-

ните! Я требую!

В кабинете повисла давящая, обманчиво мирная тишина.

Понимая, что ничего не смогу добиться от этого человека, отвернулась и подошла к дверям. Не буду дожидаться завтрашнего дня. Уеду сейчас! Мы в городе, а значит, такси поймать не проблема. Да и время позднее. Наверное, Полина уже в общаге. Попрошу ее заплатить, потом с ней рассчитаюсь.

Берусь за ручку двери, но все же не выдерживаю и произношу:

– Я вам ничего не сделала, чтобы вы со мной так разговаривали и тем более поступали! – говорю негромко, но твердо. Надоело чувствовать его превосходство над собой! Мы люди, и мы равны! Даже если у нас разное материальное положение!

Открываю дверь и замираю, услышав позади себя звук. Обернувшись, наблюдаю, как Кай Викторович резко отворачивается от окна, пересекает расстояние между нами за секунды и, схватив меня за плечи, припирает к стенке!

– Ты не понимаешь! – рычит мне в лицо. – Я говорю: свали, исчезни, испарись из города! Иначе я нарушу запрет, и тогда тебе точно конец, теперь понимаешь?

Мой пульс зашкаливает, этот человек пугает меня, мне страшно. В ужасе совсем перестаю что-то понимать.

Еле лепечу:

– К-ка-к-кой запрет? Вы... о чем?

Пелена злости сменяется недоверием...

– Тебе что, родители про меня не рассказывали?

Задумавшись, в устрашающих данных обстоятельствах силуюсь вспомнить хоть что-то, хоть один раз услышанную в нашем доме фамилию Снежинский. Но нет, память абсолютно чиста и никак не может воспроизвести тот момент, когда в семье упоминали о Кае Викторовиче.

– Нет, – уверенно верчу головой. – Быть может, вы обо-
знались, – внезапная мысль осеняет меня, – и спутали с кем-
то? Так бывает. Ведь правда?

Ну же, пожалуйста, скажи, что это так, и тогда все забудем,
как страшный сон!

Уж я так точно постараюсь не вспоминать этот кошмар...

На его лице отражается сомнение, он смотрит на меня,
мечется, в глазах вижу его терзания, внутреннюю борьбу...
Жесткий и бескомпромиссный или справедливый и адекват-
ный?.. Кай не знает, какую сторону выбрать, а после спра-
шивает:

– Ты – Тараканова Майя, мать – Стелла, отец – Олег, пра-
вильно? Приехала из Зеленогорска?

Все надежды, построенные мной за секунды его сомне-
ний, что все ошибка и я не тот человек, с которым ему надо
возиться, сводить счеты, рухнули в один миг, когда он про-
изнес свой вопрос. Ведь все, что он сказал, полностью соот-
ветствует действительности.

Он читает положительный ответ в моих глазах и, встрях-

нув меня, отталкивает. Чувствую себя какой-то прокаженной, настолько он брезгливо это сделал. Слезы брызнули из глаз, я резко отвернулась от него и побежала в ту комнату, которую отвели мне. Хочу спрятаться, скрыться от этого ужасного человека, который постоянно унижает и издевается надо мной!

Наконец достигнув желанной комнаты, врываюсь туда и бегу к кровати, сил уже нет, падаю на нее и, не сдерживаясь больше, реву в подушку, бью ее рукой, утыкаюсь лицом и вновь плачу!

Да сколько же можно так надо мной издеваться?! Я что, похожа на грушу для битья?! Захотел – отправил в тюрьму, захотел – вызволил из нее! Герой, блин.

Замерла, почувствовав, как меня гладят по волосам.

Всхлипнув последний раз, протерла щеки от слез и медленно и осторожно оглянулась. Неужели я до него достучалась? И для этого надо было довести меня до слез? Козел! Он наконец пришел нормально поговорить?

Но это оказалась Тамара Ивановна.

– Тсс, ну что ты, девочка. Не надо так.

Отпрянула от нее, прижала колени к себе.

– Вы на его стороне, – надувшись, выговариваю ей, – иначе бы не меня успокаивали, а ругали бы этого каменного истукана.

– Майя, я не знаю, что между вами произошло, но Кай Викторович действительно очень волновался за тебя, когда

принес сюда на руках. У Геннадия Иосифовича все расспрашивал, не жалел денег на твое лечение и сиделок, он...

– Это он виноват, – выпрямившись, смело заявляю ей, – это он виноват был в моем состоянии. Это из-за него все. Вот и терзала, наверное, совесть. Но это не дает ему права вести себя со мной так по-скотски.

Тамара Ивановна охает и хватается за сердце.

– Девочка, ты что такое говоришь? Да разве он на такое способен! Я знаю Кая Викторовича с малых лет и очень его уважаю.

– Тамара Ивановна, вы меня извините, конечно, но я вам все же скажу: вы очень плохо разбираетесь в людях, раз за столько лет не смогли узнать своего начальника. А теперь покажите мне, где мои вещи, я хочу уйти отсюда.

– Майя, девочка, не совершай необдуманных поступков...

– Тамара Ивановна, – грубо перебиваю ее, – я хочу уйти. Вы можете принести мои вещи?

Она сожалеюще охает, причитает что-то себе под нос, встает и выходит из комнаты.

Захожу в ванную и умываюсь прохладной водой.

Я не позволю с собой так обращаться! В конце концов, не для этого я отучилась полтора года в столичном вузе, чтобы вот так просто поднять лапки кверху и бежать, куда глаза глядят. Я буду бороться, как смогу. Тем более у меня скоро практика. Документы отданы, вот-вот должен прийти ответ из организации. Уверена, он будет положительным, все же

у универа с ними заключен договор. Только теперь надо искать новую работу на неполный день. И, скорее всего, квартиру, или койку для себя и уголок для моих пожитков – одного чемодана и кастрюльки с чашкой.

Выхожу из ванной и замечаю, что на кровати лежит отглаженная и аккуратно сложенная моя рабочая униформа, а на полу – балетки. Вот и отлично.

Схватив их, быстро переоделась. На кровати же приметил свой мобильник. Попыталась его включить, но бедняжка совсем разрядился за то время, пока я была тут.

«Ну что же», – вздохнула, обеда на прощанье «свою» спальню печальным взглядом. Да, для таких комнат в квартире мне придется очень много работать, но я обязательно своего добьюсь.

Вышла в общий коридор. Никого. Интуитивно прошлась по огромной квартире в поисках выхода, сначала в одну сторону, потом в другую. И наконец увидела входную дверь. Подошла, взмолившись, чтобы она оказалась открытой, дернула за ручку. И когда та поддалась, обрадовалась и выбежала из квартиры. Оказавшись напротив лифта, нажала кнопку вызова.

Потянуло холодком. Только бы не заболеть вновь.

На первом этаже еще прохладней, а на улице, наверное, так и вообще мороз! Натираю свои предплечья, пытаюсь не замерзнуть. Ловлю удивленный взгляд консьержа, одетого не так, как привык простой люд, а в красивую униформу.

Тут даже служащие другие, параллельная реальность какая-то! Не сравнить с тесными хрущевками спальных районов.

Открываю дверь, сегодня не так холодно, как мне показалось ранее. Но все же в балетках, да еще и без куртки, любой зимний ветерок кажется выюгой. И как удачно, что выйдя из подъезда, сразу попадаешь на оживлённую дорогу! Такси, значит, быстрее поймаю. Делаю шаг на улицу, и вдруг земля подо мной исчезает. Двигаю ногами, но лишь в воздухе, потому что крепкие мужские руки обвили меня вокруг талии и подняли вверх.

– Идиотка, – рычит мне в ухо, – только начала выздоравливать и все равно поперлась на улицу в этом, – и затаскивает обратно в здание, а после и в лифт.

– Нет! Я не хочу! – бью его ногами, пытаюсь и руками, но недотягиваюсь.

– Угомонись, истеричка! – пытается успокоить меня этот «истукан».

Но я не поддаюсь и всячески брыкаюсь, отбиваюсь, колочу его со всей силы.

– Сумасшедшая, успокойся, я сказал!

– Пошел ты! Я больше не вернусь к тебе домой! Ни видеть, ни слышать тебя не хочу!

Вдруг его захват ослабевает, и он отпускает меня.

Еле удержавшись на ногах, быстро поправляю платье и вновь спешу к выходу, на свободу! Открыв дверь и не смотря

по сторонам, выбегаю вперед... Сбоку слышится визг тормозов, а глаза ослепляет светом фар. Прикрыв лицо руками, только и успеваю крикнуть:

– Нееееет!

Глава 8

Открыв дверь и не смотря по сторонам, выбегаю вперед... Сбоку слышится визг тормозов, а глаза ослепляет светом фар. Прикрыв лицо руками, только и успеваю крикнуть:

– Нееееет! – как меня с невероятной мощью сносит посторонняя сила в сторону, скользящим ударом откидывает на твердую поверхность. Тупая, резкая боль и жгучая резь пронзают мой бок и руку. Взыв от боли, схватила за ушибленные места. На секунду подумала, что умерла, и все мои мучения закончились, и я попаду в рай. Но когда услышала, как голосом Кая Викторовича полился отборный мат, поняла, что все еще в аду на земле.

Открыв глаза, украдкой взглянула на этого беса и тирана в одном лице. Стоит надо мной и орет нечеловеческим злым голосом. Мне плохо, больно, страшно! В конце концов, меня чуть не сбила машина насмерть! Но он не делает мне из-за этого никаких поблажек, а ругает на чем свет стоит. Ни доли сопереживания, ни капли сочувствия.

– Дура конченная! Идиотка! Ты, бляя, куда прешь?! Глаза открой! – неужели он испугался, что со мной что-то случится? Может, я ошиблась, и он просто из-за страха так реагирует на ситуацию? Вероятно, он действительно переживает за меня и мою жизнь! Все же это он рванулся и спас меня, больше некому. Но не может выразить своих чувств, как

есть, и пытается скрыть их за враждебностью и руганью.

Но он не останавливается, распаляясь все сильнее и сильнее, продолжает и дальше корить меня, упрекать и сердиться. И все встало на свои места.

– Чуть авария из-за тебя не случилась! Люди не пострадали! – стыдит меня, а вокруг собираются зеваки, и все слышат, и наблюдают за нами, видят, как я сижу на холодном асфальте, обняв себя руками и подобрав под себя ноги, а он возвышается надо мной со своим высоченным ростом и орет, позорит и оскорбляет меня. – Психованная истеричка, ненормальная! Из-за твоей импульсивности и безмозглости пострадали бы люди! Ты хоть понимаешь, что творишь?!

В страхе оглядываюсь по сторонам, толпа собралась вокруг, как на представлении. И хоть бы кто заступился, хоть слово бы сказал! Нет, все только с интересом наблюдают. Жестокими и равнодушными жителями столица давно славится, но я не думала, что когда-нибудь столкнусь с этим лично и настолько болезненно.

Внутри меня всю ломает, народ и Кай Викторович давят на меня эмоционально. В груди ком, слезы душат меня. Закрываю руками лицо и содрогаюсь в безмолвном плаче, всхлипывая от невозможности больше сдерживать все в себе.

И даже не с первого раза услышала, как кто-то начал осаждать Снежинского, тихо, мягко, но настойчиво:

– Ну что ты, дорогой, так ругаешься. Что ты такой бессо-

страдательный. Она же дитя, посмотри на нее, – большой и плотный мужчина кавказской национальности и с характерным акцентом выговаривает этому ледяному великану.

Обеспокоенный водитель такси подходит ко мне и, наклонившись, пытается помочь встать. Но ноги не слушаются меня, и мне никак не удается подняться, еще и асфальт замёрзший, и подошвы балеток постоянно скользят.

– Все хорошо. Я жив, другие тоже не пострадали. Успел затормозить и свернул на соседнюю полосу, да, повезло, что не было в этот момент машины. Но повезло же! Ну, ну, дочка. Не плачь, – снял с себя куртку и укутал меня в нее, приобнимая за плечи, как отец, пытается утешить мужчину. Все же поднял меня на ноги: – Тебе надо в больницу. Посмотри, как разодрала руку, даже кровь течет. Бедный ребенок.

Я пытаюсь второй рукой закрыть рану, чтобы не испачкать куртку доброго человека.

Чужой, незнакомый мужчина проявил ко мне, совершенно посторонней девушке, которая к тому же виновата в том, что он чуть в аварию не попал, больше сострадания, чем человек, буквально вытащивший меня из-под машины, спасший мне жизнь, а теперь костерящий на все лады. Да еще и представление устроил, народ вокруг собрал!

Страх и холод постепенно отступают. Тепло, что исходит от этого мужичка, греет не только мое тело, но и душу.

– Руки от нее убрал, – заставляет застыть нас на месте Кай Викторович. – Немедленно, я сказал! – повышает голос на

мужичка.

– Ты почему теперь и на меня орешь, сынок? Не видишь, девочка пострадала больше меня. И замерзла совсем, разделтая выбежала.

Кай Викторович подходит совсем близко и, практически нависая над нами, грозно рычит, разделяя и подчеркивая каждое слово:

– Руки. Убрал. От. Нее. Иначе проблем не оберёшься, я тебе обещаю, – с нажимом произносит последнюю угрозу, чтобы услышали только мы с этим мужчиной.

Про себя молюсь, чтобы таксист проявил смелость и не отдавал меня этому жестокому человеку, не отпускал, помог сохранить это призрачное безопасное состояние.

– Дочка, это твой муж, брат или еще кто-то близкий? – серьезно уточняет мужчина, глядя на меня с добротой.

Смотрю на Кая Викторовича и ловлю его угрожающий, полный злости взгляд, и мурашки проходятся по всему телу, по спине проносится холодок.

Прижимаюсь к водителю и говорю:

– Нет, он мне никто. Вы сможете отвезти меня в больницу?

– Майя! – прикрикивает на меня Кай.

Но я на него не смотрю, упрямо направив взгляд на моего спасителя, с мольбой в глазах прошу помочь вызволиться из плена, который мне устроил Снежинский.

– Парень, лучше тебе отойти. Народ собрался. Даже на

телефон снимают. Не думаю, что тебе нужен этот скандал.

Кай Викторович оглядывается по сторонам и как будто в первый раз видит толпу, окружившую нас.

– Не понял... – произносит себе под нос, но мы его услышали, так как стояли рядом.

– Давай, парень, отпусти девочку, я ее в больницу отвезу. Ей нужна помощь медиков.

Кай делает шаг назад. Принимая это за отступление, вздыхаю с облегчением и уже разворачиваюсь, чтобы идти за мужчиной, как этот тиран хватается меня за здоровую руку и притягивает к себе.

– Ты уедешь из города теперь? Уберешься к себе?

Решаюсь его обмануть, ну откуда он узнает, уехала я или нет.

– Хорошо, – обреченно говорю, сделав голос максимально жалобным и опустив глаза, – я уеду. Только не преследуй меня.

Он отталкивает мою руку и довольно произносит:

– Не попадайся мне больше на глаза и не появляйся на моей территории. Обещаю, к тебе я не поеду. И тогда будешь в безопасности.

Киваю ему в ответ, радуясь внутри, что смогла так легко обвести его вокруг пальца.

В итоге вся толпа провожает нас с мужчиной взглядом, сожалея, что «представление» оказалось не слишком инте-

ресным.

Назад не оборачиваюсь. Мне бы забыть его, а не смотреть.

Мужчина сажает меня на переднее пассажирское сидение, а сам садится за руль. Он таксист, его машина обклеена соответствующими надписями.

– Сейчас гляну, где ближайший травмпункт.

Найдя нужный адрес, водитель забил его в навигатор, и мы поехали.

Через полчаса мы остановились напротив больницы, везде горел свет.

– Доченька, дальше сама сможешь? Я на вызов не успел уже. Надо хотя бы следующий взять.

– Да, хорошо. Спасибо большое.

Снимаю его куртку. Он отказывается, говоря, что замерзну. Но я все же оставляю ее на сидении авто. Я позвоню Поле, она привезет что-нибудь мне сюда.

Документов у меня при себе нет, но я знаю данные паспорта наизусть и называю их в приемном покое. Находим мой номер ОМС, и меня отправляют на прием.

Обработав мои раны на руке, перемотав ее и осмотрев огромную гематому на бедре, врач советует купить мази.

Звоню Полине с телефона медсестры и, сказав, где нахожусь, прошу приехать за мной.

Свой бедный телефончик потеряла, видно, на улице во время падения.

Устав наблюдать за всеми, успокоившись, села в кресло в

приемной и, откинув голову назад, прикрыла глаза.

Кажется, теперь все более или менее хорошо. От этого непонятого человека сбежала, в аварии не погибла, руку обработали, сейчас Полина за мной приедет, и все вернется на круги своя. Теперь главное – не попадаться ему на глаза.

Ничего, найду магазин попроще, в который он точно не явится. Сегодня пронесло, значит, еще все наладится!

Почувствовав на себе тень, открыла глаза и чуть не вскрикнула от ужаса, еле успев прикрыть рот рукой. Загораживая свет ламп, передо мной стоял мой кошмар нынешних дней – Кай Викторович Снежинский. Все пережитые потрясения и физическая боль вспыхнули во мне с новой силой. Я будто замерла от холода, не способная что-либо говорить. Могла только смотреть на него широко раскрытыми глазами, надеясь заметить хоть каплю жалости во взгляде напротив.

– Ты же не думала, что так просто сможешь меня обмануть и сделать вид, что уехала? – обманчиво дружелюбно спрашивает этот демон.

Молчу, не знаю, что ему сказать, ведь именно так я и планировала поступить.

Оглядываюсь по сторонам в поисках новой защиты от него. Но фойе совершенно пустое. Куда все подевались? Ведь только что тут был младший медперсонал!

Его глаза вмиг ожесточаются, и он зло цедит сквозь зубы:
– Ты действительно считала меня таким наивным лохом?
Похоже, я был к тебе слишком мягок, раз ты могла допустить

подобную мысль, Майя. Сейчас я покажу тебе свое истинное лицо...

Глава 9

Ну все, теперь мне точно конец. Наверное, даже часа не прошло, как он меня тут нашел. Да еще и от медперсонала избавился, чтобы они ему не мешали, а это всё-таки их рабочие места.

Что теперь со мной будет? Что он хочет сделать?

Страх перед страшным неизвестным парализует волю и путает мысли.

Как сбежать от него, где скрыться!?

Что я знаю об этом человеке: если захочет, доведет задуманное до конца. У него на это есть и власть и деньги. Его угрозы реальны, я с лихвой успела их на себе испытать, почувствовала кожей.

Мне не спастись. Я в его власти, и никто не сможет мне помочь.

Некому за меня заступиться, он любого раздавит как мушку. И даже следа не оставит. Так же он может поступить со мной.

Стоп! Он не желает моей смерти! Он только что спас меня из-под колес автомобиля. Ведь если бы хотел, чтобы я умерла, просто остался бы стоять на месте и наблюдать!

Понимание этого придает мне сил! Он меня не убьет. И в тюрьму не отправит. Что он может мне сделать?! Какое еще «истинное лицо» он хочет показать?

Если он считает, что был мягок, то что тогда в его понимании зовется «твердостью»? Боюсь, лучше мне этого не знать.

Этот человек слишком богат и влиятелен, и мне с ним не тягаться. Если он задумал меня выкурить из города, он этого добьется. Но, черт побери, почему? Почему я должна подчиниться ему и уехать в свой маленький городок без надежды на будущее?!

Устало откидываю голову назад и лениво произношу, пытаясь скрыть страх, который на самом деле завладел моей душой и телом.

– Да что же мне так не везет! Как вы так быстро меня нашли?

Не получив ответа на свой вопрос, открываю глаза и встречаюсь с его заинтересованным взглядом.

Встаю и несильно толкаю его, чтобы установить с ним зрительный контакт, не слишком задирая голову при этом.

– Я готова не попадаться вам на глаза, но только оставьте меня в покое. Я всего лишь хочу получить достойное образование и построить карьеру. Почему вы не можете этого понять и хотите лишить меня будущего?

– Построить карьеру... – горько усмехается он, – есть на кого равняться. А может, – он резко наклоняется и оказывается неприлично близко от моего лица, – ты хочешь подцепить кого-то, удачно выйти замуж и жить на всем готовом? А?

– Нет, никогда этого не хотела, – прямо смотрю в его глаза

и твердо заявляю, — никогда. Я хочу быть независимой. Но для этого мне нужно столичное образование.

— Девочка Майя, — издевается он, — неужели ты думаешь, я позволю тебе найти работу в этом городе? Куда бы ты ни пошла, больше одного дня там не удержишься. — Выпрямляется в полный рост. — Посмотрим тогда, насколько хватит твоей бравады.

Ненавижу! Смотрю в его холодные, серые глаза и хочется закричать: «Как же я тебя ненавижу!» И боюсь! Очень! Но сильнее — ненавижу!

От бессилия над ситуацией сжимаю кулачки и, закрыв глаза, стараюсь глубоко дышать. «Надо успокоиться! Надо успокоиться!» — повторяю про себя как мантру, но ничего не помогает.

— Так каково ваше условие? При каких обстоятельствах вы оставите меня в покое?

— В тот же миг, когда ты исчезнешь из этого города.

— А как же моя учеба?

— Ты и так пропустила достаточно дней, думаю, они уже готовы тебя отчислить.

— Что? Но я же болела! У меня есть уважительная причина!

Откинув голову назад, Снежинский довольно смеется.

— А кто тебе поверит?! Какими подтверждающими документами ты владеешь?

Нет! Нет! Только не это!

– Я возьму у врача справку! – хватаюсь за последнюю соломинку. – Я уже обращалась к нему с жалобой на самочувствие!

Да ведь это так и было! На следующий день после вечеринки я получила справку для универа.

Выкуси! Козел!

Кай Викторович видит, как я воспарила духом, и, ухмыльнувшись, с издевкой произносит:

– Как считаешь, Майя, врач рискнет своей должностью, чтобы выдать тебе справку?

– Вы не можете лишить места врача и...

– А как, ты думаешь, – перебивает он меня, – я убрал отсюда всех? Всех, Майя. Тут кроме меня и тебя больше никого нет, понимаешь? – И, дождавшись моего осторожного кивка, продолжает: – Так что, уволить какого-то докторишку...

Толкаю его со всей силы, как могу!

Боль резко отдается в руке и в боку. Взыв, тут же хватаюсь за ушибленное место. Слезы наворачиваются на глазах. Уже не в силах сдерживаться и проявлять храбрость я просто отворачиваюсь от него. Не хочу показывать, насколько он ранил меня, лишив самого главного и заветного в моей жизни – образования!

Ведь только благодаря учебе я все еще надеюсь, что судьба моя сложится, и я не буду всегда работать простым продавцом у кого-то на побегушках, стоять по двенадцать часов

за прилавком и света белого не видеть.

– Майя? – слышу голос Снежинского. – Ты там что, – пауза, – ревешь?

Молчу. Голос выдаст, а я этого не хочу. Поэтому отрицательно машу головой.

– Хорошо. Терпеть не могу эти женские манипуляции. Козел!

– Ну так что? Что решила? Уедешь? Ведь тогда ты сможешь просто перевестись из одного вуза в другой. Или потерять два года и поступить по новой в какой-нибудь вуз где-нибудь в глубинке. Решать тебе.

– Хорошо, – тихо соглашаюсь с ним.

– Что, прости, не услышал.

Осторожно вытираю рукой слезы и, проморгавшись, обращаюсь к нему:

– Хорошо, я уеду, переведусь в Питер. Вы не против этого города?

– У меня и там есть бизнес, – задумчиво произносит он, – но сам я там редко бываю. Так что, нет. Можешь отправляться туда, – самодовольно разрешает мне этот тиран.

– Уж спасибо, – кривляю его голос.

– Я не ослышался?

Застыла, не хочу его злить. Просто не смогла сдержаться.

– Вы добились, чего хотели. Теперь уходите. За мной должна приехать подруга...

– Может, тебе денжат подкинуть? – небрежно достает свой бумажник и открывает его, демонстрирует содержимое кошелька. А я, проследив за действиями его рук, вижу, что тот набит карточками и красными банкнотами, нашлось там место и долларам США, и евро...

Что за дешёвая показуха! Он что, проверяет, насколько я падка на деньги?

Безусловно, я была бы рада иметь хотя бы половину того, что лежит у него барсетке наличными. Но! Я никогда не опущусь до того, чтобы просить или принять от него деньги. Я просто сама себя прокляну, если сейчас возьму у него хоть копейку.

Ничего не ответив, обхожу его стороной. Пошел он! Он не достоин даже моего ответа. Игнор – лучший выход.

– Ну, как хочешь, я предложил, – захлопывает портмоне. – Что ж, прощай, Майя. И еще, – делает паузу, останавливаясь рядом со мной, – я не был рад знакомству, – добавляет, серьезно вглядываясь в мои глаза, а после переводит взгляд на мои губы, буквально на доли секунды, и быстро уходит...

Провожая его ненавистным взглядом.

Как будто я была рада!!!

Но ничего... когда-нибудь настанет день и я буду с тобой на равных, и тогда посмотрим, как ты заговоришь!

С разных сторон слышались возмущения. Вначале вышли мужчины в костюмах, высокие и широкоплечие, как будто из фильма о каких-то секретных агентах, а после по-

явились и медицинские работники. Протираю лицо руками, пытаюсь прийти в себя.

– Майя! – слышу родной голос и, открыв глаз, вижу, как навстречу мне бежит Полина, держа мою куртку в руках.

Налетая на меня, обнимает.

– Ай – заныла от боли: Поля задела мою рану.

– Извини, извини, очень рада тебя видеть. Не сдержалась.

Понимающе кивнула, потирая ушибленное место.

– Блин, еле прорвалась к тебе. Охрана на входе не пускала, еле уговорила их.

Знаю я, какая охрана не пускала.

– На, держи, твоя куртка, и, – достаёт из пакета мою обувь, – твои ботинки.

Благодарю ее и наконец одеваюсь во что-то теплое.

– И я от тебя не отстану, пока ты мне все не расскажешь, полностью. Все, что с тобой произошло за то время, пока мы не виделись.

Мы вышли из больницы и сели в метро, и пока ехали к в общагу, я ей вкратце все рассказала.

– Майя, ты точно уверена, что не знаешь его? – осторожно спрашивает Поля.

– Абсолютно.

– Тетя Стелла точно его не упоминала? Или твой папа?

– Нет.

– Странно, конечно. И что теперь думаешь делать? Действительно переведешься в другой вуз? Уедешь из города?

Задумавшись, я устояла в одну точку.

– Майя, Земля вызывает, алло. Уедешь?

– Он меня не хочет убить. И в тюрьме держать не будет. А все остальное я вынесу. Нет, я останусь, – твердо озвучиваю свои намерения, – останусь, получу образование, а возможно, и узнаю, в чем причина его ненависти.

Глава 10

Набираю номер горячо любимого мной человека, который, я это знаю, абсолютно не отвечает мне взаимностью. Но я должна попробовать выяснить, кто такой Кай Снежинский.

По ответу пытаюсь понять ее расположение духа.

– Да, – нетерпеливо и в то же время взвинчено. Черт, совсем не вовремя я.

– Мам, привет, – тихо бормочу, надеясь не вызвать еще большего раздражения.

– Да, Майя, говори, что хотела, – твердо произносит она, поторапливая меня, и чтобы я не разводила нюни, – но предупреждаю: денег не проси, их нет.

– Я... я...

– Майя, – начинает терять она терпение.

– Мам, ты знаешь Снежинского?

– Кого?

– Снежинского, – громко и четко проговариваю в трубку, думая, что она меня не расслышала.

– Нет, чего ты орешь-то так? – раздражается еще сильнее. – Впервые слышу эту фамилию. Ладно, Майя, если у тебя только этот вопрос, то пока.

– Снежинский Кай Вик... – произношу тише, надеясь, что она все же услышит, но уже на отчестве в трубке раздаются гудки.

Ну, вот и поговорили. Опускаю руку и вновь смотрю в окно. В принципе, чего я ожидала? Наши разговоры всегда такие, только если что-то надо, может позвонить. Как только интересующий вопрос обсудили, конец разговора наступает моментально.

Сию на подоконнике и не знаю, что делать, что думать. Ничего не знаю. Нахожусь в какой-то прострации. Я не уступлю. Все равно буду пытаться. Может, на практике в процессе общения найду у них вакансию, или кто-то из новых знакомых будет знать, что я ищу работу, и поможет с трудоустройством.

Мы уже вернулись в общагу. Сегодня ночуем с Полей на одной кровати, так как меня в связи с увольнением официально уже выселили. Руководство магазина даже успело найти новую сотрудницу, и мою кровать отдали ей. Провернули все в один миг, а вот когда оформляли меня, помнится, я ждала неделю точно. Козлы.

Поля договорилась с консьержкой, чтобы меня пустили на несколько дней, пока не найду квартиру.

– Полин, что мне делать? – задаю вопрос, когда подруга возвращается с пакетом продуктов нам на ужин.

– Май, ну, может, все же поедешь в Питер, как ему и обещала? – раскладывая на столике, что купила, советует подруга. – Что будет, если он тебя найдет здесь? Я просто боюсь за тебя. Он реально какой-то ненормальный.

– Я не могу, куда мне ехать? В Питере у меня никого нет,

а тут хотя бы ты, – упираюсь, хоть ее доводы разумны.

– А как же твой отец? – подруга подходит ко мне, и я сле-
заю с подоконника и становлюсь напротив нее.

Этот вариант еще хуже мамы. Он же просто отказался от
меня, забыл. Отмазался алиментами, а сам забил на меня.

– Я его девять лет не видела, – твердо произношу, чтобы
она поняла, что не стоит продолжать давить на меня с этим
вопросом. – Наверное, он меня сейчас и не узнает, – в голосе
звучит явная обида, к сожалению, ничего не могу с собой
поделать. Ситуация с папой ранит, и скрыть свои эмоции от
подруги не удастся. И вообще, я стараюсь о нем не думать. –
Да и как я его найду в огромном городе?

– Позвонишь, – делает ко мне шаг и заключает в друже-
ские, поддерживающие объятия.

– А если трубку не возьмёт? Или ответит, но скажет, не
приезжай? – пыхчу в ее плечо, озвучивая свои страхи.

– Тогда будем думать дальше, – поглаживая меня по голо-
ве, успокаивает подруга.

– Я маме звонила, – признаюсь в том, чего обещала не де-
лать, пока не добьюсь успеха, и Полина знает о моей клятве.

– Зачем, Май? – схватив меня за плечи, отстраняет от се-
бя, и мне вновь становится холодно как-то, и в большей сте-
пени в душе.

Поля не очень любит мою родительницу, потому что виде-
ла, какая мама со мной за дверьми нашей квартиры. И подру-
га не понимает, как мать может так равнодушно относиться

к собственному ребенку. Сама Полина с рождения окружена любовью и заботой своих родителей. А так как ее папа моряк и дома не бывает месяцами, то ее мама дарит ей любовь за двоих. И там даже мне перепадает большой такой кусок. Приходя к нам, тетя Агата всегда приносила сладости. Не скупилась она и на добрый взгляд и ласковое слово. Даже мое решение учиться в столице поддержала, в отличие от родных мамы и брата, которые не слишком обрадовались такому моему желанию.

И когда я уезжала, именно тетя Агата дала мне денег на первое время. Прекрасная женщина и лучшая крестная, я ее очень люблю, она моя втора мама.

– И что она сказала? – с пренебрежением спрашивает Поля, не одобряя моих действий.

– Все как всегда, – не стоит даже рассказывать, Поля и так все понимает.

– Эх, Майя, Майя. Добрая и наивная девочка. Не звони ей, чтобы потом вот так не расстраиваться. Мы сами все сможем. Ты и я. Будем работать и обязательно заработаем. Может, кого встретим здесь, а? – берет меня за руки и мы начинаем кружить по комнате. – Выйдем замуж, возьмём ипотеку на соседние квартиры и будем и дальше дружить, родим детей, и они тоже будут дружить.

– Да, да – смеюсь над буйной фантазией подруги, – а может, у нас будут мальчик и девочка, и мы их поженим, а? Как тебе такое предложение?

– Можно и так, – смеёмся обе, и в этот момент в комнату заходит новая соседка Поли, Света.

– О, темный одуванчик у нас, – это прозвище она мне дала из-за моих пышных черных волос, – как дела? Давно тебя не видела. – Кидает свою сумку на стул и, разувшись, падает на кровать. – Устала сегодня, просто жуть. Ненавижу богатей-снобов, просто терпеть не могу.

Да, минус нашей работы в том, что богатые покупатели запросто могут нас унижить. Они ведь даже не смотрят на работников магазина, относятся как к прислуге, но мы не можем ничего сказать, иначе лишимся места.

Успокоившись, мы перестали кружиться по комнате. Света – девчонка хорошая, но при ней нельзя особо громко говорить, когда она отдыхает, не то будет скандал. Поэтому мы с Полей взобрались на кровать и продолжили обсуждать наши проблемы, тихо перешептываясь.

– А что насчет работы? Куда пойдешь?

– Не знаю пока. Надо на сайте поискать, куда можно оформиться на неполный рабочий день.

– Девчонки, – поторапливает нас Света.

– Все, все, ложимся.

Поля легла и уснула, я не смогла. Мысли мучили, душили меня. Одна хуже другой. И учеба, и работа... сейчас полная неопределенка. Осторожно встаю и подхожу к окну. Если Кай не обманул, пока действует мое обещание «переве-

стись» в другой универ, он не ставит мне никаких препятствий. А значит, я смогу взять справку по болезни у врача и закрыть свой пропуск ею. Скоро начнется практика, до этого времени я должна закрыть вопрос с прогулом, а дальше буду думать.

Вглядываюсь в огоньки, которые освещают узкие улочки в центре. Если бы не обшарпанные стены общаги и старая мебель, можно было бы с гордостью заявлять о том, что живешь в центре столицы.

Когда теперь я смогу себе позволить жить в такой близости от центра Москвы?

На следующий день я поехала на свое предыдущее место работы. Хотела забрать свой оклад за отработанные дни. Новобутике мне отказали, не выплатили зарплату, ссылаясь на то, что я опозорила их магазин и должна радоваться тому, что вообще на свободе нахожусь. Людмила Ивановна сочилась издевательством и с насмешкой интересовалась, как я провела время в тюрьме, и вообще, почему меня освободили. Шеф, как оказалось, и не собирался за меня заступаться. Им просто нужен был «козел отпущения», человек, который возьмет всю вину на себя, которого можно показательно наказать, и даже посадить, чтоб «другим неповадно было». Гнилые люди.

Какие бы доводы я ни приводила – оплату я не получила, и не получу. Людмила Ивановна мне это пообещала.

Чем больше она говорила, тем сильнее меня трясло. Почувствовав, что скоро заплачу, я выбежала из магазина, а по-

сле и из самого здания. Как вернулась обратно – не помню. Никого не видела перед собой, совершая все на автомате, переходы по станции метро, выход из него. Как дошла до комнаты. В голове вновь и вновь прокручиваю слова Людмилы Ивановны. Получается, если бы не Кай Викторович, я бы еще сидела в отделении? Так как мой шеф планировать меня там и оставить?!

Придя обратно в общагу, разревелась в подушку от бессилия. Ну как так?! Почему? Почему я такая слабачка? Почему они такие козлы, зажали чуть более двадцати тысяч рублей! А самое противное – я не могу их у них забрать! Пообещали мне, что поддержат, а на самом деле хотели подставить! Ну почему все так?! И как мне в будущем обезопасить себя от подобного?

Еле успокоившись, решила позвонить человеку, который должен – нет, просто обязан! – быть моим плечом и опорой по жизни, а именно – отцу. Прождав десять гудков, я скинула вызов. Вот тебе и ответ, что произойдет, если я ему позвоню.

Больно, как же больно от понимания, что никому я не нужна в этом мире! И никто не хочет за меня заступиться и отстаивать мои права!

В этот день я дала себе очередное обещание: несмотря ни на что, я добьюсь своего и стану сильной. Буду хвататься за любую возможность, но вырвусь наверх, к нормальному, удовлетворяющему меня достатку.

Глава 11

Десять дней спустя.

Готовлюсь выходить. Сегодня первый день практики. Она продлится две недели. С утра надо ехать в организацию и быть там до двух часов дня. А после свобода, а вернее – поиск работы.

У нашего универа заключен договор с этой фирмой. Искать какие-то другие варианты у меня возможности не было, поэтому я, как и половина нашей группы, написала заявление на прохождение практики в этой организации еще полтора месяца назад.

Само учреждение находится на окраине города, но на безрыбье, как говорится...

Собрав свои пушистые волосы в деловой пучок на макушке и надев белую рубашку, черную юбку-карандаш, а на ноги – полуботинки на каблучке, я вышла из общаги.

До сих пор живу с Полиной. Ни работы, ни квартиры на имеющиеся деньги я не нашла. Пока платим консьержке, она терпит мое нахождение в общежитии.

Придя по указанному адресу, оказалась перед огромным зданием, явно отстроенным недавно. Даже еще рабочие не уехали с площадки, а трудились по бокам строения, доделывая свои работы.

Пришло сообщение, что сокурсники уже на месте. Поспе-

шила зайти внутрь, радуясь тому, что все с универом разрешилось благополучно. Сессия закрыта, справка от врача получена и отдана в вуз. Меня не отчислили, а отправили на практику.

Присоединилась к одногруппникам, стала осматриваться. Внутри был сделан свежий ремонт, и поэтому соответствующе пахло. Как же приятно находиться в чистом помещении, не то что в нашей старой общаге.

Нас встретила девушка приятной внешности.

– Меня зовут Аня. Я младший менеджер. Меня отправили к вам для ознакомительного инструктажа. Итак, у меня списки, – показывает на папку в руках, – кто в какой отдел идет. Пройдемте, – приглашает она нас рукой в сторону лифтов. – Как вы могли заметить, здание наше новое. Его строили около пяти лет. Тут находится все: ангары, склады, машины. Все отделы фирмы собраны под одной крышей. Вы видели только фасад. На другой стороне все техническое.

Мы стоим у лифтов и ждем один из них.

Оглядываюсь и понимаю, что лифты напротив свободны.

– Может, сюда, тут вроде тоже работает.

– Ой, точно, забыла предупредить вас: лифты слева только для руководителей отделов и главных акционеров, гендира и так далее. И везут они на последние этажи, где восседает руководство фирмы. Работники среднего звена пользуются вот этими четырьмя лифтами, – указывает на те, у которых мы стоим в ожидании. – Надеюсь, вы запомнили, чтобы в

дальнейшем не было проблем. Шеф у нас хоть и справедливый, но строгий. Не выполняющих его требования людей тут долго не держат. Поняли?

Мы все закивали, чувствуя свою причастность к чему-то действительно масштабному и великому.

А я только сейчас начала осознавать, что действительно попала в «огромную рабочую махину», это не просто бизнес, это целая корпорация!

– Это здание было специально спроектировано под нашу фирму, – продолжает рассказывать менеджер, а мы все слушаем, открыв рты, все больше и больше поражаясь тому, о чем она говорит, – на данный момент тут находятся все сотрудники фирмы, а также все товары, что впоследствии разъезжаются по всей Москве. Данная база служит своеобразным перевалочным пунктом. Прежде чем попасть на прилавки магазинов, товары приезжают сюда. Затем их развозят по местам назначения. Так. По поводу практики, если покажете себя здесь с хорошей стороны, будете быстрыми, коммуникабельными и ответственными, в конце вас могу пригласить на собеседование. Каждые три дня вы будете в разных отделах, чтобы увидеть работу всей нашей компании. Первые по списку, – Аня произносит фамилии моих одноклассников, – вы направляетесь в отдел рекламы. – Она берет рацию и вызывает к лифту кого-то, а после мои одноклассники уходят с этим человеком, а мы едем дальше. – Так, – она называет меня и еще двух девочек, – Тараканова – в отдел програм-

мирования, а вы, — указывает на девчонку, — в отдел закупок.

Снова к лифту подошли две девушки.

— Кто в компьютерный отдел? — спросила одна.

Я неуверенно подняла руку:

— Наверное, я. — Хотя я с трудом представляю, что там буду делать, я не особо что-то смыслю в программировании.

— Пошли, — позвала меня и начала уходить. Тогда я поспешила за ней, периодически оглядываясь и осматривая все вокруг.

Стены были прозрачными, из стекла. Можно было наблюдать, кто и чем занимается. Это так необычно для меня. Ощущаю себя как в кино! Да, я действительно попала в крупную компанию, и, возможно, это и есть мой шанс вырваться из тины неудач и безденежья.

— Проходи, — приглашает меня сотрудница в кабинет, в котором сидят шесть девушек, — меня зовут Галя. Девчонки, — повышает она голос, желая привлечь внимание других, — это практикантка. Итак, это отдел программирования, — уже обращаясь ко мне, говорит она, — но не совсем в том понимании, в котором ты себе, вероятно, напридумывала. Мы вбиваем в программу штрихкоды товаров. Как раз те, что пробивают на кассе, поняла?

Я кивнула, и даже вздохнула с облегчением: уж циферки я смогу внести в базу.

— Так, раз поняла, приступим. Садись рядом и смотришь, как я работаю, поняла? Первый день — на обучение,

второй и третий – на практику. Ясно?

Снова киваю. Вот так сразу влиться в работу? Я думала, будет какое-то знакомство, вводная часть или еще что, но тут сразу меня включают в рабочий процесс.

Необычно, но в то же время волнующе и необыкновенно притягательно.

– Тетрадь с ручкой взяла? – отрицательно верчу головой.

Вот ведь балда, я же и правда забыла, быю себя по лбу, дура, блин.

– Ладно, не убивайся так, – успокаивает меня Галя, – и еще, заговори, пожалуйста. Не то я уже подозреваю, что ты немая. И буду думать не о работе, а о том, как с тобой объясняться.

Усмехаюсь ее простоте в общении, она мне очень импонирует.

– Меня зовут Майя. Могу я попросить ручку и листок? Забыла совсем, переволновалась.

Галя отправила меня к принтеру за бумагой, после дала ручку, и процесс был запущен. Одни раз она показала, как это делает, я быстро конспектировала.

До обеда не вставали с места. Галя все рассказывала, что и как надо вносить, не путать названия марок, вес товара, жирность продукта.

К часу дня, уставшие, мы собрались на обед.

– Слушай, тут всегда так много работы? – интересуюсь я,

не представляя, как так можно работать каждый день.

– Нет, просто заключили договор с новой фирмой, и появились товары, которых ранее не было в наших магазинах. К тому же одна сотрудница ушла на больничный, а другая собирается в декрет. Как мы будем впятером, даже не знаю.

– Это что, значит, вам нужен работник? – с энтузиазмом произношу. Неужели мне так повезло?! Такое бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.